

ДУХОВНОМУ ВѢСТНИКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

1-го амя

№ 9-й.

1893 г.

Св. апостоль Павелъ, какъ апологетъ своего апостольскаго достоинства противъ іудействующихъ христіанъ.

(Анализъ Галат. I и II и 2 Кор. X—XIII).

Недолго наслаждалась внутреннимъ миромъ и единомысліемъ своихъ членовъ юная апостольская церковь. Еще при жизни апостоловъ, какъ первыхъ пастырей и руководителей церкви, въ ея жизни стали замѣчаться такія тревожныя явленія, которыя не только внушали опасеніе за цѣлость церковнаго единенія и мира, но даже угрожали вовсе остановить дальнѣйшіе успѣхи вѣры (2 Кор. 11, 15—16).

Первые слѣды нестроенія въ христіанской церкви обнаружались въ Антиохіи. Дѣписатель говоритъ (XV, I и дал.), что туда пришли христіане изъ Іудеи и “учили братьевъ, если не обрѣжетесь по обряду Моисееву, не можете спастись”. Очевидно, дѣло шло о принципіальномъ совмѣщеніи обрядоваго Моисеева закона съ закономъ христіанскимъ, что сильно смущало христіанъ въ Антиохіи. Антиохійской церкви угрожала опасность раздѣленія. Но благодаря энергіи и ревности выступившихъ противъ пришлыхъ учителей Павла и Варнавы, дѣло іудействующихъ потерпѣло въ Антиохіи полную неудачу, а на соборѣ апостольскомъ въ Іерусалимѣ оно было осуждено окончательно. Эта неудача, однако, не заставила іудействующихъ отказаться отъ своихъ притязаній. Первый осязательный успѣхъ, достигнутый ими, былъ сдѣланъ среди христіанъ Галатіи. Когда Апостоль Павелъ, во время своего третьяго миссіонерскаго путешествія, посѣтивъ основанную имъ въ Галатіи церковь, отбылъ оттуда въ Ефесъ, среди неопытныхъ еще галатскихъ христіанъ появились

нѣкоторые „смутотворцы“, *хотящии превратить благовѣствованіе Христова* (Галат. I, 7), и желаніе ихъ увѣнчалось успѣхомъ. Галаты дѣйствительно уклонились *во што благовѣствованіе* (ст. 6). Это благовѣствованіе было воспроизведеніемъ того ученія, которое выдвигали іудействующіе христіане въ Антиохіи. Лжеучители, своеобразно объясняя отношеніе ветхо-завѣтнаго закона къ христіанству, учили о необходимости принимать обрѣзаніе даже христіанамъ изъ язычниковъ, т. е. хотѣли и въ христіанствѣ сохранить всю обязательность закона Моисеева. Подобныя стремленія были, конечно, совершенно противоположны тому, что Галаты слышали и чему научились отъ Апостола Павла. Поэтому лжеучители, для полнаго торжества своего дѣла въ Галатіи, сочли полезнымъ совершенно дискредитировать Апостола Павла въ глазахъ неопытныхъ Галатовъ, подорвать у нихъ всякое довѣріе къ его апостольскому слову. Всѣми силами стремясь къ этой цѣли, они не пренебрегали никакими средствами къ ея достиженію. Если Апостоль Павелъ твердо стоялъ за свободу новопросвѣщенныхъ язычниковъ отъ обрѣзанія и вообще отъ подзаконнаго ига, то лжеучители, утверждая противное, ссылались на авторитетъ другихъ Апостоловъ — Петра, Іакова и Іоанна, которые будто бы не освобождали христіанъ изъ язычниковъ отъ строгаго выполненія предписаній ветхо-завѣтнаго закона. Отсюда понятенъ былъ и выводъ, который хотѣли сдѣлать лжеучители относительно ученія Апостола Павла, хотя они и старались представить этотъ выводъ скорѣе въ качествѣ первичной причины ихъ мнѣнія объ апостолѣ и его проповѣди: ложное и несогласное съ ученіемъ другихъ апостоловъ благовѣствованіе преподалъ Павелъ галатамъ. Отъ него и нельзя было ждать истиннаго ученія. Вѣдь онъ не былъ въ числѣ самовидцевъ Господа и не слышалъ завѣтовъ Его непосредственно изъ Божественныхъ устъ. Онъ учился у другихъ апостоловъ, но слышанному отъ нихъ ученію далъ превратное толкованіе. Съ этимъ извращеннымъ ученіемъ Галаты и познакомились отъ Павла“.

Таковы были возраженія галатскихъ лжеучителей противъ апостольскаго авторитета Св. Апостола Павла. Всѣ эти обвиненія и клеветы были очень просты и не сложны — и по замыслу, и по исполненію. Онѣ сводились къ тому, что Павелъ не истинный Апостоль и поэтому ученію его вѣрить не слѣдуетъ. Но тѣмъ не менѣе онѣ были весьма опасны для Апостола. Ложь, отличающаяся просто-

тою, — нерѣдко этимъ признакомъ истины подкупаетъ въ свою пользу неопытные умы и сердца. Неудивительно, если два—три рѣшительно высказанныхъ и, повидимому, совершенно простыхъ довода противъ Апостола Павла произвели на Галатовъ сильное впечатлѣніе. Апостоль сознавалъ страшную опасность, грозившую духовному миру его новыхъ пасомыхъ. Что передумалъ и перечувствовалъ онъ, узнавъ о печальномъ положеніи Гагатійской церкви, живымъ и яснымъ свидѣтельствомъ этого служить его посланіе къ Галатамъ. Здѣсь мы находимъ вдохновенную, огненную полемику, въ которой Апостоль истины идетъ на встрѣчу поборникамъ лжи по намѣченнымъ ими пунктамъ и блестящимъ образомъ, послѣдовательно—логически разбиваетъ ихъ доводы.

Самозащита Апостола Павла предъ лицомъ галатскихъ христіанъ занимаетъ двѣ первыя главы его посланія.

Желая выяснитъ Галатамъ всю ложь той мысли, будто онъ искажалъ полученное отъ апостоловъ ученіе, Апостоль Павелъ начинаетъ свою рѣчь прямымъ утвержденіемъ раскрываемой имъ ниже истины, — истины его чудеснаго призванія къ апостольству и Божественнаго происхожденія его проповѣди. *Павелъ Апостоль, ни отъ чловѣкъ, ни чловѣкомъ, но Исусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ* (т. е. избранъ. Галат. 1, 1). Разсчитывая на довѣріе своему слову и опираясь на свой, хотя и пошатнувшійся, но еще не совсѣмъ павшій у галатовъ авторитетъ, Апостоль желаетъ какъ бы перелить свое личное убѣжденіе (*скакую же вамъ.....*) въ сердца галатовъ: *скакую же вамъ, братіе, благовѣствованіе, благовѣщеніе отъ мене, яко ипѣсть по чловѣку* (ст. 11). Оно отъ Бога и именно дано чрезъ откровеніе Исусъ Христа (ст. 12). Изъ этого Божественнаго источника апостоль получилъ не только повелѣніе къ проповѣданію Евангелія, но и самое содержаніе своей проповѣди. Глубокое психологическое доказательство этой истины приводится въ 13 и 14 стихахъ 1-й главы посланія. *Слышасте бо*, говоритъ Апостоль, *мое житіе ипогда въ живодствѣ* и т. д., — слышали, быть можетъ, отъ лжеучителей, которые, вѣроятно, и этимъ путемъ пытались уронитъ Апостола Павла въ глазахъ вѣрующихъ; слышали, безъ сомнѣнія, отъ самого Апостола, который никогда и ни отъ кого не скрывалъ исторіи своего обращенія, а напротивъ часто ставилъ ее во главу своей проповѣди (Дѣян. 9, 21; Гал. 2, 23. 24). Какое чловѣческое вліяніе настолько сильно,

чтобы могло мгновенно перецѣловать всего человѣка: пробудить въ немъ любовь къ тому, что прежде онъ жестоко гналъ и преслѣдовалъ, совершенно отворотить отъ того дѣла, которому онъ былъ преданъ всѣмъ существомъ? Нѣтъ такой силы у людей. Пересоздать подобнаго убѣжденнаго человѣка человѣческими силами и средствами было бы невозможно. Не даромъ Апостоль, доказывая свое Божественное призваніе къ Апостольству, поставляетъ на видъ, что онъ гналъ Церковь Божию не изъ угодливости предъ высшими властями, не по кровожаднымъ инстинктамъ и не изъ корыстныхъ расчетовъ, а единственно по своей любви къ отеческой вѣрѣ и какъ человѣкъ, по своей цѣлостной натурѣ, способный сполна отдаваться извѣстному дѣлу. Чтоже могло сдѣлать этого *излиха ревнителя отеческихъ преданій* (ст. 14) ревностнымъ исповѣдникомъ гонимаго имъ прежде ученія? Очевидно, одна сила Божественной благодати (Дѣян. 9, 15), сдѣлавшей Савла своимъ избраннымъ сосудомъ, чтобы онъ благовѣствовалъ язычникамъ (Дѣян. 9, 15). Благодать Божія преднамѣтила его еще до рожденія къ званію апостольскому и потому одарила его духъ богатыми силами, которыми онъ такъ злоупотреблялъ въ іудействѣ ¹⁾).

Итакъ, Апостоль доказалъ Божественное начало своего апостольства внезапностью своего превращенія изъ ревнителя отеческихъ преданій въ проповѣдника Евангелія Христова. Ту же мысль, но съ

¹⁾ Нѣкоторые изъ новѣйшихъ толкователей въ 13 и 14 ст. 1-й главы видятъ желаніе Апостола Павла показать, что его антиіудейское поведеніе нельзя объяснить незнакомствомъ съ іудействомъ, а что оно, напротивъ, основывается на знаніи имъ іудейства. Но едва ли есть нужда прибѣгать къ такому толкованію, такъ какъ оно не вяжется съ прямою цѣлью Апостола показать въ этихъ стихахъ чудесныя, сверхъестественныя причины своего обращенія ко Христу, а не то, что дѣлало бы это обращеніе естественно объяснимымъ, напр., будто бы Апостоль самъ, единственно обязанный своему глубокому уму и знанію іудейства, понялъ истинное значеніе послѣдняго и сталъ христіаниномъ. Правда, знакомство съ іудействомъ скорѣе могло привести къ вѣрѣ во Христа, чѣмъ незнакомство съ этимъ *тѣстучномъ во Христа* (Галат. 3, 24). Но соображенія указанныхъ толкователей являются тѣмъ болѣе странными, что іудейство ветхо-завѣтное, ведущее ко Христу, они сами отличаютъ отъ закрывающаго путь ко Христу отечески преданнаго іудейства. А о послѣднемъ именно и говоритъ Апостоль. Противорѣчіе толкователей самимъ себѣ очевидно.

другой стороны, раскрываетъ онъ далѣе. Онъ доказываетъ, что никакого человѣческаго начала его апостольство вообще и проповѣдь въ частности и не могутъ имѣть.

Егда благоволитъ Богъ... явити Сына Своего во мнѣ, тогда я, говоритъ Апостоль, *авіе не приложихся плоти и крови* (1, 15, 16). Когда Господь явилъ Павлу Своего Сына и этимъ ввелъ уже его въ предверіе апостольства, тогда, озаренный видѣніемъ тайнъ Божіихъ, всецѣло проникнутый духомъ новой жизни, Апостоль „не приложился плоти и крови“, т. е. не обращался для разъясненія чудеснаго происшествія съ нимъ ни къ кому изъ людей (какъ думаютъ новые толкователи), ни въ частности къ кому либо изъ апостоловъ (что ближе къ мысли контекста — мнѣніе восточныхъ отцевъ). Здѣсь Апостоль указываетъ фактически на свою полную независимость отъ вліянія другихъ апостоловъ, какъ ниже отъ прочихъ вѣрующихъ (ст. 22—24).

Итакъ, прежде всего, Апостоль не могъ научиться тому, что проповѣдывалъ, отъ другихъ апостоловъ, потому что послѣ знаменательнаго дамасскаго происшествія онъ отправился не въ Іерусалимъ, гдѣ только и могъ бы тогда повидаться съ апостолами, а въ Аравію и по всей вѣроятности — не для проповѣди, а для того, чтобы въ тиши и уединеніи переработать въ себѣ глубокое впечатлѣніе того, что онъ пережилъ на пути къ Дамаску. Изъ Аравіи Апостоль снова возвращается въ Дамаскъ и только уже три года спустя идетъ отсюда въ Іерусалимъ, но не затѣмъ, чтобы поучаться у старѣйшихъ апостоловъ. Онъ ходилъ въ Іерусалимъ — *соглядати Петра* (стр. 18) и пробылъ тамъ пятнадцать дней. Научиться въ такой короткій періодъ времени всему необходимому для христіанской проповѣди Павелъ рѣшительно бы не могъ, не смотря на свой свѣтлый и сильный умъ. Справедливость этого заключенія, не противорѣча себѣ, не могутъ отрицать и тѣ, которые утверждаютъ естественное происхожденіе проповѣди Апостола. Но, съ другой стороны, того же пятнадцати-дневнаго періода апостоламъ было вполне достаточно, чтобы убѣдиться въ тожествѣ проповѣдуемаго Павломъ ученія съ тѣмъ благовѣстіемъ, которое они сами получили отъ Христа и имѣли проповѣдать всему міру.

Апостоль именемъ Бога подтвердилъ свою самостоятельность (ст. 20) въ томъ смыслѣ, что онъ не былъ ученикомъ другихъ апо-

столовъ. Тѣмъ менѣе могъ онъ быть ученикомъ кого либо изъ другихъ новоувѣровавшихъ въ Иисуса Христа. Никакихъ сношеній съ христіанами Іудеи, въ числѣ которыхъ, безъ сомнѣнія, много было самовидцевъ Господа, — апостоль завязать не успѣлъ, а Сирія и Киликія, куда онъ теперь отправился, сами нуждались въ просвѣщеніи его апостольскою проповѣдью.

Такимъ образомъ, апостоль всесторонне доказалъ, что его проповѣдь проистекла непосредственно изъ источника Божественнаго. Этимъ заканчивается первая глава посланія къ Галатамъ. Но апостоль не останавливаетъ своей самозащиты на доказанномъ положеніи, а идетъ за своими противниками дальше. Подъ уничтожающимъ и неотразимымъ дѣйствіемъ его обличительнаго слова падаютъ ихъ несправедливыя ссылки на старѣйшихъ апостоловъ, столповъ церкви, Петра, Іакова и Іоанна, авторитетомъ которыхъ они желали прикрыться. Апостоль Павелъ всегда заявлялъ себя жаркимъ противникомъ іудействующихъ учителей. Эта черта проходитъ красною нитью чрезъ всю его проповѣдь и часто призаетъ у него полемическій характеръ даже положительному изложенію христіанскихъ истинъ. Старѣйшіе апостолы не могли не замѣтить этой выдающейся стороны въ проповѣди Апостола Павла, тѣмъ болѣе, что Павелъ не скрывалъ отъ нихъ ничего. Но не смотря на то, они не только выразили полное свое согласіе съ ученіемъ Апостола, но, кромѣ того, на соборѣ въ Іерусалимѣ торжественно одобрили своимъ авторитетомъ какъ проповѣдь, такъ и согласное съ нею поведеніе Павла. Это событіе случилось спустя 14 лѣтъ послѣ призванія Савла къ апостольству. Апостоль въ это время отправился въ Іерусалимъ въ сопровожденіи Варнавы и Тита (Гал. 2, 1). Внѣшнимъ поводомъ къ этому путешествію, какъ узнаемъ изъ Дѣян. 15 гл., было дѣло антиохійскихъ христіанъ, смущаемыхъ іудействующими лжеучителями. Но Павелъ, кромѣ того, имѣлъ и сокровенное отъ другихъ побужденіе идти въ Іерусалимъ. *Взъдохъ же*, говоритъ онъ, по особому *откровенію* (ст. 2), одному изъ многочисленныхъ бывавшихъ ему откровеній (Дѣян. 9, 3; 22, 17; 1 Кор. 12, 1 и др.) и здѣсь въ Іерусалимѣ представилъ проповѣдуемое имъ ученіе на усмотрѣніе старѣйшихъ апостоловъ. Онъ сдѣлалъ это не для личнаго своего убѣжденія (... да не како вотще — теку, или текохъ...), а единственно для убѣжденія другихъ въ истинности и высшемъ происхожденіи его

проповѣди (ст. 2). Оказалось, что апостолы ничего не прибавили и не измѣнили въ ученіи Павла. Напротивъ, *уразумѣше* (можетъ быть, изъ разсказа Павла и Варнавы о томъ, какъ отверзъ Господь дверь вѣры язычникамъ (Дѣян. 15, 4) и какія знаменія и чудеса сотворилъ чрезъ нихъ среди язычниковъ (Дѣян. 15, 12),—что Павлу дано такое же право благовѣствовать не обрѣзаннымъ, какое Петру—по отношенію къ обрѣзаннымъ (ст. 7), апостолы „подали ему руку общенія“, какъ единомысленному съ ними (ст. 9) и наконецъ на соборѣ общимъ голосомъ подтвердили отстаиваемую имъ свободу христіанъ отъ ига закона Моисеева. Для фактическаго доказательства своего единомыслія съ другими апостолами Павелъ многозначительно замѣчаетъ, что *ни Титъ*, бывшій съ нимъ, *еллингъ сый, нужденъ бысть обрѣзатися* (ст. 3).

Заручившись полнымъ одобреніемъ старѣйшихъ апостоловъ, Павелъ тутъ же въ Іерусалимѣ твердо сталъ на защиту евангельской свободы отъ приходившихъ лжебратій. *И за пришедшую лжебратію, иже привидоша соглядати свободы нашея, юже имама о Христъ Исусъ, да насъ поработятъ: имже ни къ часу повинухомся въ покореніе, да истина благовѣстія пребудетъ въ насъ* (ст. 4 и 5).

Разсказывая далѣе одинъ эпизодъ изъ исторіи своихъ отношеній къ Апостолу Петру, Апостоль Павелъ, быть можетъ, имѣлъ цѣль опровергнуть взведенное на него противниками обвиненіе въ нетвердости убѣжденія и въ лицемѣрномъ, боязливомъ сокрытіи настоящей сущности его ученія отъ старѣйшихъ апостоловъ. Мы увидимъ ниже, что апостоль не разъ долженъ былъ считаться съ этою клеветою.

Апостоль Петръ, котораго Богъ *отъ дней первыхъ... избра* для того, чтобы *усты* его *услышати языкомъ слово благовѣстія, и вѣровати* (Дѣян. 15, 7), прибывъ послѣ собора апостольскаго въ Антиохію, поступалъ тамъ сначала въ духѣ бывшаго ему откровенія (Дѣян. 10, 9—16), т. е. не чуждался христіанъ изъ язычниковъ. Но когда въ Антиохію явились „нѣкоторые отъ Іакова (ст. 12), т. е. іудействующіе или вообще христіане изъ іудеевъ, тогда Апостоль Петръ началъ уклоняться отъ общенія съ „язычниками“ (ст. 12), опасаясь, чтобы его свобода не соблазнила іудеевъ и не довела ихъ до отдѣленія. А что касается „язычниковъ“ (т. е. христіанъ изъ язычниковъ), то отъ перемѣны своего обращенія съ ними Петръ не чаялъ для нихъ никакого вреда, такъ какъ язычники давно привыкли

къ тому отчужденію, съ которымъ относились къ нимъ христіане изъ іудеевъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. Поведеніемъ Апостола Петра стали соблазняться вѣрующіе Антиохійцы и, не зная его истинныхъ побужденій, они могли видѣть въ немъ нарушителя постановленій апостольскаго собора. Прочіе іудеи и даже Апостоль Варнава были увлечены тѣмъ же лицемѣріемъ (ст. 13). Дѣло дошло до того, что тѣ изъ „язычниковъ“, которые бы желали сблизиться съ іудеями, должны были для этого пожертвовать своею свободою. Но Апостоль Петръ какъ будто не замѣчалъ дѣйствія своего поведенія и вотъ обличителемъ его выступилъ Апостоль Павелъ. *Аще ты іудей сый, сказалъ онъ ему, язычески, а не іудейски живещи, почто языки нудиши іудейски жительствовати* (ст. 14)?

Сославшись предъ Галатами на свою твердую и открытую оппозицію Апостолу Петру, Павелъ доказалъ имъ фактически то, что хотя онъ, въ силу евангельскаго самоотверженія и любви, готовъ быть съ іудеемъ—іудей, съ язычникомъ—язычникъ, съ немощнымъ—немощень (1 Кор. 9, 20—23), но, въ случаѣ вреда для вѣры и соблазна для братіи, онъ не остановится ни предъ чѣмъ и, не обинуясь, защититъ истину предъ лицомъ всякаго. Здѣсь прекращается самозащита Апостола Павла предъ Галатами. Снова утвердивъ у нихъ свой авторитетъ, апостоль приступаетъ далѣе къ изложенію и обоснованію главнаго пункта своей христіанской догматики—о спасеніи вѣрою безъ дѣлъ іудейскаго обрядоваго закона. И снова властно звучитъ слово апостольское.... (Галат. 3, 1).

Полемика Апостола Павла противъ галатскихъ лжеучителей была не послѣднею его полемикою въ этомъ родѣ. Это былъ только одинъ эпизодъ изъ исторіи борьбы апостола съ іудействующими христіанами,—борьбы, которая началась въ Антиохіи. Прошло немного времени послѣ галатской самозащиты и обстоятельства снова заставили Апостола Павла столкнуться съ его прежними противниками, но уже въ другомъ мѣстѣ—въ церкви коринѣской. Церковь коринѣская, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ бывшихъ язычниковъ (1 Кор. 12, 2), была насаждена и устроена апостоломъ во время его втораго мисіонерскаго путешествія, когда онъ прожилъ въ Коринѣѣ цѣлыхъ полтора года. Но и здѣсь, какъ въ Галатіи, церковь, вскорѣ послѣ ухода апостола, стала подвергаться сильному вліянію лжеучителей. Уже въ самомъ началѣ своей зловредной дѣятельности эти—по вы-

раженію апостола— „злые дѣятели, эти псы, происходившіе отъ обрѣзанія и постоянные противники апостольской проповѣди (Филип. 3, 2), вызвали въ Коринѣ много серьезныхъ безпорядковъ и даже произвели прискорбное явленіе раздѣленія Коринѣской общины (1 Кор. 1, 12). Съ цѣлью направить коринѣянъ на путь истины и исправить вкравшіяся въ ихъ среду злоупотребленія, апостоль въ началѣ своего третьяго путешествія писалъ къ нимъ одно посланіе, когда находился въ Ефесѣ. Дѣйствіе этого посланія на Коринѣянъ было самое благотворное. Одного заочнаго наставленія и увѣщанія апостольскаго оказалось достаточнымъ для того, чтобы уничтожить плоды дѣятельности ложныхъ учителей и устранить возникшіе въ Коринѣ церковные безпорядки. Лжеучители поняли, что при твердомъ авторитетѣ Апостола Павла среди Коринѣянъ и при любви и уваженіи къ нему со стороны послѣднихъ, бороться съ нимъ изъ-за обладанія коринѣскою церковью было для нихъ не по силамъ. Поэтому они пустили въ ходъ тотъ же пріемъ, которымъ дѣйствовали галатскіе лжеучители, т. е. стали подрывать у коринѣянъ довѣріе къ апостолу, внушать имъ сомнѣнія относительно правильности проповѣдуемаго имъ ученія и обвинять его въ самовольномъ разрушеніи закона Моисеева. Исходнымъ пунктомъ для своихъ нападеній на Апостола они взяли нѣкоторыя мѣста изъ его перваго посланія. Обращая, напр., вниманіе на строгій тонъ посланія, лжеучители стали проводить невыгодную, по ихъ мнѣнію, для Павла параллель между его заочнымъ обращеніемъ съ коринѣянами и поведеніемъ его при личномъ свиданіи съ ними. Смирненіе, нѣжная отеческая любовь, святая пастырская мудрость апостола остались непонятными, или были намѣренно перетолкованы лжеучителями до полной противоположности. Они обвиняли апостола за его будто бы недостойный и эгоистическій образъ мыслей и дѣйствій, объясняющійся, по ихъ мнѣнію, изъ того, что Павелъ поступаетъ по плоти (2 Кор. 10; 2),—изъ робости и чловѣкоугодливости. Подобные наговоры и объясненія поведенія Апостола не оставались безъ вліянія на коринѣянъ. Есть основаніе думать, судя по горькимъ упрекамъ Апостола, обращеннымъ къ самимъ коринѣянамъ (2 Кор. 10, 6; 11, 16; 11, 19, 20), что нѣкоторые изъ нихъ, забывъ прещенія и наставленія перваго посланія, снова стали склоняться на сторону лжеучителей, а другіе, по

крайней мѣрѣ, спокойно и терпѣливо выслушивали нареканія на своего учителя и ничего не дѣлали для ихъ опроверженія.

Очевидно, еще не совсѣмъ оправившаяся подъ вліяніемъ перваго посланія, церковная жизнь коринѳянъ снова была жестокииъ образомъ потрясена. Теперь Апостоль Павелъ, чтобы уничтожить зло; пишетъ второе посланіе. Здѣсь онъ выступаетъ противъ лжеучителей открыто и прямо, тогда какъ въ первомъ посланіи онъ ратовалъ, главнымъ образомъ, противъ вредныхъ результатовъ ихъ дѣятельности, поставившей коринѳское достояніе апостола на край гибели. Прекрасно понимая намѣренія лжеучителей относительно коринѳянъ, апостоль, во всеоружіи своего вдохновеннаго, внушаемаго ему Богомъ и совѣстью, слова, снова старается утвердить среди коринѳянъ свой апостольскій авторитетъ, съ особенною выразительностью и силою выступаетъ онъ защитникомъ своего апостольскаго сана и личнаго характера, надѣясь такимъ образомъ найти путь въ сердца коринѳянъ и приготовить ихъ къ своему кроткому и примирительному появленію. Усилія Апостола умиротворить Коринѳскую церковь, безъ сомнѣнія, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, такъ какъ онъ самъ въскорѣ прибылъ въ Коринѳъ, чтобы лично исправлять и наставлять пошатнувшихся въ вѣрѣ коринѳянъ. Кромѣ того, посланіе къ Римлянамъ, время написанія котораго падаетъ на пребываніе Апостола Павла въ Коринѳъ, даетъ право заключать (по крайней мѣрѣ 15 гл. 24. 24 ст.; см. съ 2 Кор. 10, 15. 16), что въ это время Апостоль уже спокойно взиралъ на состояніе церкви Коринѳской: теперь уже оно позволяло ему идти далѣе съ проповѣдію Евангелія.

Помощникъ инспектора Тифлисской духовной семинаріи *Вл. Ивановъ*.
(Окончаніе будетъ).

Воспитаніе и образованіе дѣтей по возрѣнію Библии, св. Отцовъ и Учителей Церковныхъ и въ виду указаній опыта.

Характеръ образованія. Изученіе свѣтскихъ наукъ.

(Окончаніе *).

Въ предыдущей своей рѣчи о характерѣ образованія мы сказали, что въ основу образованія, согласно возрѣнію Библии, св. Отцовъ и Учителей Церков-

*) См. «Дух. Вѣстн. Груз. Экзархата» № 2-й.

ныхъ, должно быть положено Слово Божіе. Но изъ сказаннаго не слѣдуетъ, что все дѣло образованія должно ограничиваться изученіемъ только Священнаго Писанія и опирающихся на немъ духовныхъ, или такъ называемыхъ богословскихъ предметовъ. Образованіе религіозное не исключаетъ образованія свѣтскаго. То и другое вполне совмѣстимо. Наглядный примѣръ этого мы видимъ въ лицѣ Соломона, который съ глубокимъ религіознымъ вѣдѣніемъ соединялъ обширныя познанія въ области наукъ свѣтскихъ: *онъ написалъ три тысячи притчей* (т. е. краткихъ и многосодержательныхъ изреченій), *изрекъ тысячу и пять пѣсней*,— и въ то же время *разсуждалъ о деревьяхъ, начиная съ кедра, что на Ливанѣ, до мелкго растенія—иссопа, выростающаго изъ стѣны; разсуждалъ также о животныхъ, о птицахъ, пресмыкающихся и о рыбахъ* (3 Цар. 4, 32—33); говоря иначе, былъ естествовѣдомъ, философомъ и поэтомъ,—стоявшимъ по мудрости выше всѣхъ сыновъ Востока и всей мудрости Египтянъ, такъ что *имя его было въ славу у всѣхъ окрестныхъ народовъ* (3 Цар. гл. 4, ст. 30—31). Это узнаемъ мы о Соломонѣ изъ Слова Божія. Въ немъ же мы находимъ и положительные совѣты, рекомендующіе возможно широкое и всестороннее умственное развитіе; причемъ люди, владѣющіе знаніемъ, хотя бы и свѣтскимъ, трактуются заслуживающими полнаго почтенія. По выраженію Священнаго Писателя книги Притчей, *мудрый долженъ разумѣть всякую притчу и замысловатую рѣчь, слова мудрецовъ и загадки ихъ* (Притч. 1, 6). А Иисусъ, сынъ Сираховъ, говоритъ: *почитай врача честію по надобности въ немъ, ибо Господь создалъ его ... Знаніе врача возвыситъ его голову, и между вельможами онъ будетъ въ почетъ. Господь создалъ отъ земли врачевства, и благоразумный человекъ не будетъ пренебрегать ими... Приготовляющій лекарства дѣлаетъ изъ нихъ смѣсь, и занятія его не оканчиваются, и черезъ него бываетъ благо на лицѣ земли* (гл. 38, ст. 1, 3, 4, 8). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же древній почитатель науки замѣчаетъ: *ищущіе мудрости съ ранняго утра исполняютъ радости* (Сир. 4, 13). Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ усвоитъ Себѣ названіе Премудрости. Обличая книжниковъ и фарисеевъ въ сочувствіи ихъ своимъ отцамъ, избившимъ пророковъ, и замѣтивъ, что въ данномъ случаѣ тѣ и другіе исполнили то, что Господь Богъ заранѣе о нихъ предвидѣлъ, Спаситель продолжалъ: *потому и Премудрость Божія сказала: пошлю къ нимъ (Евреямъ) пророковъ и апостоловъ, и изъ нихъ однихъ убьютъ, а другихъ изонятъ* (Лук. XI, 49).

Мысль о великомъ знач. образованія свѣтскаго и полной совмѣстимости его съ образованіемъ духовнымъ особенно подробно раскрыта въ твореніяхъ св. Отцевъ и Учит. Церковныхъ. Такъ, св. Григорій Богосл. въ своемъ обличительномъ словѣ на боготстуника Юліана, запретившаго христіанамъ учиться словеснымъ наук., говоритъ: „Да раздѣлять со мною мое негодованіе всѣ любители словесности, занимающіеся ею, какъ св. дѣломъ,—люди, къ числу которыхъ и я не откажусь принадлежать! Ибо все прочее я оставилъ другимъ, желающимъ того, оставилъ богатство, знатность породы, славу, власть, словомъ—все, что кружится на землѣ и услаждаетъ людей не болѣе, какъ сновидѣніе. Одно только удерживаю за собою,—искусство

слова, и не порицаю себя за труды на сушѣ и на морѣ, которые доставили мнѣ сіе богатство. О когда бы я и всякій мой другъ могли владѣть силою слова! Вотъ первое, что возлюбилъ я, и люблю послѣ первѣйшаго, т. е. Божественнаго и тѣхъ надеждъ, которыя выше всего видимаго»⁸⁴). И въ другомъ мѣстѣ тотъ же св. Отецъ Церкви съ не меньшимъ сочувствіемъ отзывается о свѣтскомъ образованіи, когда выражается такъ:—«Полагаю, что всякій, имѣющій умъ, признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость, и не только сію благороднѣйшую и нашу ученость, которая, презирая всѣ украшенія и плодovitость рѣчи, имѣетъ въ виду только спасеніе, но и ученость внѣшнюю (свѣтскую)..., которою многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога. Небо, землю, воздухъ и все, что на нихъ, не должно презирать за то, что нѣкоторые худо уразумѣли и, вмѣсто Бога, воздали имъ Божеское поклоненіе. Напротивъ того, воспользовавшись въ нихъ тѣмъ, что удобно для жизни, мы избѣжимъ всего опаснаго, и не станемъ съ безумцами тварь возставлять противъ Творца, но отъ созданія будемъ разсуждать о Создателѣ, какъ говорить Божественный Апостоль, илѣняяще всякъ разумъ во Христа (2 Кор. 10, 5). Также объ огнѣ, о пищѣ, о желѣзѣ и о прочемъ нельзя сказать, что которая либо изъ сихъ вещей сама по себѣ или всего полезнѣе, или всего вреднѣе; но сіе зависитъ отъ произвола употребляющихъ. Даже между пресмыкающимися гадами есть такіе, что мы примѣшиваемъ ихъ въ цѣлебныя составы. Тоже нужно сказать и объ учености; она можетъ быть и полезною и вредною, смотря потому, какъ пользоваться ею. Посему, заключаетъ вселенскій учитель Церкви, не должно унижать ее, какъ разсуждаютъ объ этомъ нѣкоторые; напротивъ того, надобно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостатокъ скрыть собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжество»⁸⁵). Философскія ученія—для благонравныхъ щить добродѣтели, для злонравныхъ жало грѣха»⁸⁶). Взглядъ на свѣтскую ученость, высказанный св. Григоріемъ Богословомъ въ приведенныхъ сейчасъ словахъ, не былъ личнымъ только его взглядомъ; его раздѣляли всѣ знаменитѣйшіе Отцы и Учители Церковные первыхъ вѣковъ христіанства. «Неученые и невѣжды считаютъ ученіе смѣшнымъ дѣломъ, не хотятъ слушать его, потому что оно обнаруживаетъ ихъ невѣжество, и хотятъ, чтобы всѣ были имъ подобны»,—разсуждаетъ св. Антоній Великій⁸⁷). «Если есть такіе малодушные, которые боятся философіи, какъ дѣти привидѣній, которые думаютъ, что философія можетъ послужить причиною ихъ паденія,—то такіе люди путь падаютъ, чтобы своимъ паденіемъ научить другихъ, что истинная философія необходима»,—говоритъ извѣстный защитникъ христіанства Кли-

⁸⁴) Творенія св. Григорія Богосл., ч. 1, стр. 155—156. М. 1843.

⁸⁵) Твор. св. Григорія Богосл. т. 4. 63—64. М. 1844.

⁸⁶) Твор. св. Григорія Богосл., ч. 1, 102.

⁸⁷) Христ. Чтеніе, 1821, ч. 1, стр. 241.

ментъ Александрійскій ⁸⁸). Извѣстно также, что блаженнаго Иеронима даже упрекали въ томъ, что онъ, по излишнему будто бы пристрастію къ свѣтской—языческой мудрости, въ своихъ сочиненіяхъ представлялъ иногда примѣры изъ свѣтскихъ наукъ и эту, по выраженію обличителей, нечистотою пятнать бѣлизну Церкви. Однако блаж. Иеронимъ не смутился отъ этихъ упрековъ, такъ какъ имѣлъ для себя защитниковъ—въ лицѣ свят. Апостола Павла, пользовавшагося различными изреченіями древнихъ мудрецовъ (Тит. 1, 12), а также въ лицѣ Квадрата, ученика Апостоловъ, Аристида, Иустина—мученика и философа, Мелитона еписк. Сардійскаго, Діонисія, Таціана, Иринея, Климента пресвитера Александрійскаго, Тертуліана, Лактанція и многихъ другихъ ⁸⁹). Вотъ почему на взводимый упрекъ блаженный Иеронимъ могъ отвѣчать такъ: «Что удивительнаго, если и я, очистивши языческую ученость отъ всего, что есть въ ней нечестиваго и ложнаго, пользуюсь изяществомъ ея рѣчи для умноженія членовъ Церкви ⁹⁰). Нельзя оспаривать справедливости такого взгляда на изученіе свѣтской литературы. Помимо значенія общечеловѣческаго, свѣтскія, такъ называемыя гуманитарныя, науки должны были имѣть цѣну и потому еще, что помогали представителямъ Церкви съ большимъ успѣхомъ исполнять обязанности, которыя возлагались на нихъ вышнимъ и отвѣтственнымъ ихъ положеніемъ. Это видно изъ приведенныхъ сейчасъ словъ блаженнаго Иеронима. Въ томъ же духѣ высказывался и св. Григорій Богословъ. „Я старался обогатить себя внѣшнею ученостью, писать этотъ великій дѣятель на нивѣ Господней, съ тѣмъ, чтобы употребить ее въ пособіе истиннаго просвѣщенія, дабы знающіе одно пустое витійство, состоящее въ звучныхъ словахъ, не превозносились и не могли опутать меня своими хитрыми умствованіями». Вполнѣ естественно поэтому, что всѣ, кто дорожилъ интересами св. Христовой Церкви, кто сознавалъ себя живымъ ея членомъ,—а таковыми именно и были св. Отцы и Учители Церковные,—изучали свѣтскія, въ то время языческія, науки; изучали не по сердечному влеченію къ нимъ и не ради простаго удовольствія, но для блага и пользы тогда еще юной церкви Христовой; изучали, въ видахъ защиты Христіанства отъ злыхъ козней язычества, желая поражать послѣднее его же оружіемъ,—подобно Давиду, который отсѣкъ голову надменнаго Голіааа его собственнымъ мечемъ (1 Цар. 17, 51). Пчелы съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и усердіемъ облетаютъ большія пространства, чтобы со всякаго цвѣтка собрать все полезное и нужное; такъ точно

⁸⁸) *strom.* VI, 10. 80; 1, 2. 20. (Труды Кіев. дух. академіи 1866, 71). Истинная философія, по мнѣнію Климента, есть знаніе предметовъ Божественныхъ и человѣческихъ; есть наука, сообщающая намъ понятіе о нашихъ отношеніяхъ къ Богу и міру, указывающая намъ средства къ мудрости и добродѣтели.

⁸⁹) Твор. блаж. Иеронима, ч. 2, 250—254. Ср. ч. 1, **LII**.

⁹⁰) Твор. блаж. Иерон. ч. 1, **LIII**.

многіе изъ св. Отцовъ и Учителей Церковныхъ старались побывать во всѣхъ наиболѣе знаменитыхъ училищахъ своего времени, поучиться у прославившихся учителей. Такъ Василиій Великій рано оставляетъ родительскій кровъ и отправляется въ Кесарію каппадокійскую, чтобы поступить въ тамошнюю школу; отсюда жажда познаній приводитъ его въ Константинополь, изъ Константинополя въ Аѳины. Сердечный и задушевный другъ Василия Великаго св. Григорій Богословъ посѣтилъ еще большее число школъ. Обители высшихъ и разнообразныхъ знаній—въ Кесаріи каппадокійской, въ Кесаріи палестинской, въ Александріи и Аѳинахъ послѣдовательно имѣли его своимъ усерднымъ ученикомъ. Въ свѣтскія учебныя заведенія стремились, въ періодъ своего образованія, и другіе отцы и учителя Церкви, которымъ позволили обстоятельства и матеріальныя средства (св. Амфилохій, епископъ Иконійскій). И что же мы видимъ? Научныя путешествія великихъ внослѣдствіи пастырей Церкви не только не пропали для нихъ даромъ, но принесли плодъ сторицею. На нихъ, какъ нельзя болѣе, оправдались слова Премудраго: *обходй страны умножитъ хитрость—знаніе* (Сир. гл. 34, 10). Дѣйствительно, ихъ знаніямъ удивлялся весь образованный тогдашній міръ; предъ ними долженъ преклониться и современный ученый. Въ надгробномъ словѣ св. Григорія Богослова, посвященномъ памяти св. Василия Великаго, мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующія восторженные строки: «какого рода наукъ не проходилъ онъ? Или лучше сказать: въ какомъ родѣ наукъ не преуспѣлъ съ избыткомъ,—какъ бы занимающійся этою одной наукой? Такъ изучилъ онъ все, какъ другой не изучаетъ одного предмета; каждую науку изучилъ до такого совершенства, какъ бы не учился ничему иному... Кто сравнится съ нимъ въ риторствѣ, дышащемъ силою огня? Кто, подобно ему, приводитъ въ надлежащія правила грамматику или языкъ, сводитъ исторію, владѣеть мѣрами стиха, даетъ законы стихотворству? Кто былъ такъ силенъ въ философіи,—въ философіи дѣйствительно возвышенной и простирающейся въ горнее, а равно и въ той ея части, которая занимается логическими доводами и противоположностями, а также состязаніями, и называется діалектикою? Ибо легче выйти изъ лабиринта, нежели избѣжать сѣтей его слова, когда находилъ онъ это пужнымъ... Врачебную науку—этотъ плодъ любомудрія и трудолюбія—содѣлали для него необходимою и собственныя тѣлесныя недуги и хожденіе за больными; начавъ съ послѣдняго, дошелъ онъ до навыка въ искусствѣ... Словомъ,—это былъ корабль, столько нагруженный ученостью, сколько сіе вмѣстительно для челоувѣческой природы»⁹¹). Прилежанію и успѣхамъ св. Василия Великаго соревновали—его задушевный другъ св. Григорій Богословъ, братъ послѣдняго Кесарій⁹²), св. Іоаннъ Златоустый и всѣ вообще столпы церкви Христовой. Востокъ и Западъ, гдѣ тожько приходилось имъ быть внослѣдствіи, служатъ памятниками ихъ учености. И однако знанія эти принесли имъ не вредъ, а великую пользу. Язы-

⁹¹) Твор. св. Григорія Богослова, т. 4, стр. 78—79. М. 1844.

⁹²) Твор. св. Гр. Богослова, ч. 1, 246—247. М. 1843.

ческие ученые, доселѣ хваставшіеся своимъ образованіемъ, пытавшіеся при помощи его унизить Христіанство, теперь сразу почувствовали свою слабость. Они увидѣли, что та самая ученость, въ которой они полагали всю свою силу, сдѣлалась достояніемъ защитниковъ Христіанства и послѣдніе стали поражать ею само изычество. Сторонники и представители язычества сильно встревожились, и вождь ихъ—Юліанъ отступникъ издалъ даже законъ, запрещающій христіанамъ изучать греческія свѣтскія науки. Отношеніе св. Отцевъ и Учителей Церковныхъ къ свѣтскимъ наукамъ слишкомъ поучительно, чтобы можно было обойти его вниманіемъ. Изъ сказаннаго ясно, что нельзя пренебрегать и свѣтскими науками; напротивъ,—нужно прилежно изучать и небо, и землю, и все, что на ней, ибо вся тварь служитъ нагляднымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ Божіей премудрости, всемогущества и любви.

Небеса поведаютъ славу Божію (Ис. 18, 1),—говоритъ царь и пророкъ Давидъ. Голоса они не имѣютъ, усть не получили, языка у нихъ нѣтъ; какъ же они проповѣдаютъ объ этомъ? «Самымъ видомъ своимъ», отвѣчаетъ Златоустый. Молчитъ небо, но видъ его издаетъ звукъ громче трубы, научая насъ чрезъ глазъ, а не чрезъ слухъ. Куда бы кто ни шелъ, но лишь взглянетъ на небо, увидитъ его величіе и красоту,—и получитъ достаточное наставленіе отъ этого взгляда. Къ тому же, любомудрствуетъ далѣе великій пастырь Церкви, если бы Господь Богъ сталъ учить людей только посредствомъ книгъ и письменъ, то знающій грамотъ разумѣлъ бы написанное, а не знающій, безъ посторонняго наставленія, не получилъ бы отсюда никакой пользы; при томъ богатый купилъ бы книгу, а бѣдный не могъ бы приобрести ее. Опять,—знающій тотъ языкъ, какой означается чрезъ письмена, понялъ бы содержащееся въ нихъ, а всѣ, не знающіе того языка, не узнали бы ничего. Но о небѣ нельзя сказать этого: въ эту книгу одинаково можетъ смотрѣть и простой человѣкъ и мудрецъ, и бѣдный и богатый, и скиѣб и варваръ... Всякій человѣкъ, который только ходитъ по этой землѣ, услышитъ голосъ неба, потому что чрезъ чувство зрѣнія онъ доходитъ до ума каждаго. Напекая на это и показывая, что твореніе издаетъ голосъ, внятны для всѣхъ вообще людей, и самъ пророкъ сказалъ: *нѣтъ языка и нѣтъ нарѣчія, гдѣ бы не слышался голосъ небесъ. По всей землѣ проходитъ звукъ ихъ, и до предѣловъ вселенной слова ихъ* (Ис. 18, 4—5)⁹³).

И не только небеса поведаютъ славу Божію, но и земля: *огонь и градъ, снѣгъ и туманъ, бурный вѣтеръ, исполняющій слово Божіе, горы и всѣ холмы, плодовые деревья и всѣ кедры* (Псал. 148, 8—9). «Носему поразмыслимъ и о землѣ: подумаемъ о силѣ ея плодородія, какъ утроба ея столько времени раждаетъ и не истощается. Подумаемъ объ источникахъ, какъ они изобилуютъ водою и не изсякли, хотя непрерывно, день и ночь, текутъ съ тѣхъ поръ, какъ созданы; подумаемъ о морѣ, какъ оно, принимая въ себя столько рѣкъ, не вышло

⁹³) Бес. св. Іоанна Златоустаго къ Ант. нар. т. I, 364—365; стр. 373, 379, 384, 401—409. Бес. его же на разные случаи, 1, 99, 380.

за предѣлы». Впрочемъ,—куда бы ни обратили взоръ свой, на какое бы, повидимому, самое незначительное твореніе ни посмотрѣли,—все говоритъ намъ, все громко возвѣщаетъ: *какъ ни многочисленны дѣла Твои, Господи, но все содѣлалъ Ты премудро* (Псал. 103, 24). *Велій еси Ты, Господи, и чудна дѣла Твоя, и ни едино слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ*.

Изъ сказаннаго видно, такимъ образомъ, что тварь можетъ руководить насъ къ истинному Богопознанію. Книга природы—это другая книга откровенія, стоящая предъ нашими глазами,—въ которой такъ ясно отпечатлѣть сокровища Своей премудрости и любви Небесный Творецъ и Промыслитель вселенной.

Невидимое Божіе,—вѣчная сила Его и Божество—становятся видимы отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній (Римл. 1, 20),—учить св. Апостолъ Павелъ. Еслибы язычники умѣли хорошо разсуждать о твари, они не поклонились бы и не послужили бы ей вмѣсто Творца. И въ самомъ дѣлѣ, если прекрасно небо, и на небѣ солнце, мѣсяцъ и звѣзды,—какъ прекрасенъ Тотъ, Который прекрасныя сіи вещи сотворилъ. Если хороша земля и на ней—горы, холмы, лѣса, дубравы и сады, нивы и цвѣты, и сами люди, немногимъ уменьшенные предъ Ангелами,—насколько величественнѣе Тотъ, Кто создалъ все это Своею силою и премудростію ⁹⁴). *Подлинно суетны люди, которые изъ видимыхъ совершенствъ не могли познать Суцщаго (Бога) и, взирая на дѣла, не познали Виновника, а почитали за боговъ, правящихъ міромъ, или огонь, или вѣтеръ, или движущійся воздухъ, или звѣздный кругъ, или бурную воду, или небесная свѣтила. Если, глядя на ихъ красоту, они почитали ихъ за боговъ; то должны были бы познать, сколько лучше ихъ Господь: ибо Онъ,—виновникъ красоты,—создалъ ихъ. А если удивлялись силѣ и дѣйствию ихъ; то должны были бы узнать изъ нихъ, сколько могущественнѣе Тотъ, кто сотворилъ ихъ; ибо отъ великія красоты созданій сравнительно познается Виновникъ бытія ихъ* (Прем. Солом., гл. 13, ст. 1—5). Создавъ твари большею частію изъ веществъ неважныхъ, Творецъ вложилъ въ нихъ ясное доказательство собственнаго искусства, и вмѣстѣ напечатлѣлъ на нихъ признаки брѣнности естества, чтобы мы по искусству и красотѣ удивлялись Художнику, а по брѣнности и неважности природы и естества не поклонялись тварямъ. Блистательно солнце, когда оно свѣтитъ и озаряетъ всю вселенную, но съ наступленіемъ ночи оно затмѣвается. Что, говорить Премудрый, свѣтлѣе солнца,—и то исчезаетъ (Сир. 17, 30); и не только ночью, но и днемъ. Солнце часто исчезаетъ и днемъ для того, чтобы мы удивлялись Художнику за искусство и не поклонялись твари по ея слабости ⁹⁵). Итакъ, прекрасно небо, но создано для того, чтобы мы воздавали поклоненіе Творцу; свѣтло солнце, но создано для того, чтобы мы почтили Создателя ⁹⁶).

⁹⁴) Сочин. св. Дмитрія Ростовскаго, ч. 2, стр. 186.

⁹⁵) Бес. св. Іоанна Златоустаго на разн. мѣста св. Писанія, т. 2, стр. 49. С.-Пет. 1862.

⁹⁶) Бес. св. Іоанна Златоустаго къ Ант. народу, т. 2, 280—281. С.-Пет. 1849.

Восточные мудрецы—волхвы «учились» звѣздой, когда издалека пришли поклониться родившемуся Христу (Матѣ. 2, 1—2, 11). Дадимъ и мы общаніе себѣ, смотря и изучая солнце, луну и звѣзды,—обращать свои мысли и взоры къ Господу Богу,—Творцу и Устроителю всего видимаго надъ собою. Будемъ подражать царственному пророку Давиду, который «поучался во всѣхъ дѣлахъ Божіихъ и твореніяхъ рукъ Его» (Псал. 142. ст. 5), который, смотря на *небеса—дѣла Божіихъ перстовъ, на луну и звѣзды, которыя Онъ поставилъ*, въ религиозно-поэтическомъ восторгѣ восклицалъ: *Господи, Боже нашъ! Какъ величественно имя Твое по всей землѣ! Слава Твоя простирается прѣвыше небесъ* (Пс. 8, 2).

О еслибы и душѣ каждаго изъ насъ доступны были такія чувства! Счастливъ, тысяча кратъ счастливъ тотъ, въ комъ чудное звѣздное небо, озаряемое тихимъ свѣтомъ луны, всегда вызываетъ изумленіе предъ величіемъ небесныхъ міровъ и глубокое благоговѣніе предъ всемогуществомъ и премудростью Создателя и Художника ихъ—Бога.

«Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ,
Не можетъ изъяснить языкъ:
Великъ Онъ въ небесахъ на тронѣ,
Въ былинкахъ на землѣ великъ»...

Такъ нерѣдко оглашаетъ свой слухъ «святая» Русь,—и благо тому, кто не устами только повторяетъ эти слова, но внутренно, всеѣмъ существомъ своимъ создаетъ глубокой смыслъ и непререкаемую истинность величественнаго въ своей простотѣ роднаго гимна.

Впрочемъ, не природа только должна служить предметомъ нашего изученія. Мысль, не высказывающаяся въ словѣ, есть, по святоотеческому выраженію, движеніе оцѣненнаго. Чтобы ясно выразить свои мысли, чувства и желанія, нужна сила въ словѣ; посему необходимы и словесныя науки. Слѣдуетъ изучать произведенія поэтовъ, ораторовъ и историковъ⁹⁷). И мы видѣли, какими сторонниками и усердными почитателями ихъ показали себя св. Отцы и Учители Церковные. вмѣстѣ съ тѣмъ они же научаютъ насъ соблюдать здѣсь большую разборчивость; внушаютъ и отсюда извлекать лишь то, что способно содѣйствовать истинному развитію ума и сердца. Давая совѣтъ юношамъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями, св. Василій Великій говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «такъ какъ стихотворцы въ своихъ сочиненіяхъ неодинаковы, то не на всеѣ по порядку надобно останавливаться умомъ; когда передаютъ они дѣянія или изрѣченія людей добрыхъ, надобно ихъ любить и соревновать имъ; а когда доходить у нихъ рѣчь до людей злонравныхъ, должно избѣгать подражанія сему,—такъ же затыкая уши, какъ Одиссей, по словамъ ихъ, заградилъ слухъ отъ пѣсней сиренъ. Привычка къ словамъ негоднымъ служить нѣкоторымъ путемъ и къ дѣламъ. Посему всячески нужно беречь душу, чтобы, находя удовольствіе въ сло-

⁹⁷) Твор. св. Гр. Богослова, 4, 67. М. 1844.

вахъ, незамѣтно не принять чего либо худаго, какъ иныя съ медомъ гогоаютъ ядовитыя вещества. Поэтому не будемъ хвалить стихотворцевъ, когда они влозуются, насмѣхаются, представляютъ влюбленныхъ и упивающихся, или когда ограничиваютъ счастье раздолбнымъ столомъ и разгульными пѣснями... Тоже самое, продолжаетъ св. Василій Великій, нужно сказать и объ историкахъ, особенно когда пишутъ они исторію для развлечения слушателей. И ораторамъ не будемъ подражать въ искусствѣ лгать, такъ какъ ни въ судахъ, ни въ другихъ дѣлахъ нелицемерна ложь намъ, избравшимъ прямой и истинный путь жизни... Напротивъ, займемъ у нихъ тѣ мѣста, гдѣ они восхваляли добродѣтели и порицали пороки... При изученіи тѣхъ или иныхъ сочиненій нужно подражать пчеламъ, которыя не на всѣ цвѣты садятся безъ разбору, да и съ тѣхъ, гдѣ остановятся, не все стараются унести, но, взявъ пригодное, все прочее оставляютъ нетронутымъ. И мы сами, срывая розы, стараемся избѣгать шиповъ; такъ и въ сочиненіяхъ, воспользовавшись полезнымъ, будемъ остерегаться вреднаго»⁹⁸).

Мудрый совѣтъ Великаго Святителя, преподанный юношамъ старины глубокой, сохраняетъ воспитательное значеніе свое и въ отношеніи къ нашему времени. Велика была бы польза, если бы и современное намъ юношество почаще оживляло въ своей памяти этотъ архипастырскій совѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ осуществляя его въ своей ученической жизни. Великій святитель Церкви предостерегалъ тогдашнихъ юношей отъ возможности пагубнаго вліянія на нихъ сочиненій языческихъ. Правда, мракъ язычества, когда-то покрывавшій все лице земли, давно уже исчезъ среди болѣе или менѣе образованныхъ народовъ. Мы живемъ въ просвѣщенный 19-й вѣкъ. Но отъ этого положеніе дѣла въ разсматриваемомъ отношеніи ни-мало не улучшилось, если только не ухудшилось: самозванные учителя отъ времени не перевелись; ихъ даже не убавилось. И теперь не рѣдкость встрѣтить людей, подобно евангельскимъ книжникамъ и фарисеямъ, «обходить море и землю», чтобы совратить хоть одну неопытную душу и потомъ крѣпко держать ее въ своихъ сѣтяхъ. (Матѣ. 23, 15). Перемена произошла развѣ въ слѣдующемъ. Юношество первыхъ вѣковъ Христіанства имѣло дѣло съ сочиненіями лицъ, которыя прямо и открыто заявляли себя врагами Христовой вѣры; теперь этого часто не бываетъ. Противники Христа поступаютъ теперь болѣе хитро и коварно. Прикрываясь личиною благорасположенности къ ближнимъ, они дѣлаютъ свое дѣло медленно, исподоволь, осторожно,—всячески стараясь не дать замѣтить преступную цѣль своей работы. Это—люди, о которыхъ можно сказать словами Христа Спасителя, что они *приходятъ въ овчей одеждѣ, а внутри суть волки хищные* (Матѣ. 7, 15). Само собою понятно, что съ такими искусными дѣятелями борьба труднѣе, чѣмъ съ прежними; ибо легче отразить ударъ, когда онъ наносится открыто, нежели въ томъ случаѣ, если наносящій его скрывается, дѣйствуя, какъ говорится, изъ-за угла. Итакъ, въ дѣлѣ образованія и теперь нужна большая осторожность и

⁹⁸). Твор. св. Василя Великаго, ч. 4, 348—349. М. 1846.

предусмотрительность, чтобы не сбиться съ прямого пути. Если раньше говорили: „ученье свѣтъ, а неученье—тьма“, то въ наше время к ученью, подчасъ бываетъ тьмою,—смотря потому, чему и какъ станешь учиться,—ибо ученость вѣка сего часто ходитъ во тьмѣ и далеко отстоять отъ истины. Какъ благовремененъ поэтому и для насъ древній совѣтъ св. Апостола: *братія! не будьте дѣти умомъ: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолѣтнми* (1 Кор. 14, 20). Грѣшно и стыдно было бы не послѣдовать этому совѣту. Въ обыкновенной пищѣ, питающей тѣло, мы отбрасываемъ вредное; почему же въ наукахъ, питающихъ нашу душу, не дѣлать никакого различія; но, подобно ручью, увлекаемая за собою все, нагружать тѣмъ умъ? Если кормчій не безразсудно отдается вѣтрамъ, но направляетъ судно въ безопасное мѣсто, если стрѣлокъ бросаетъ копьё въ цѣль, мѣдникъ и плотникъ стремятся сдѣлать то, что сообразно съ ихъ ремесломъ, почему же учащемуся юношеству не идти прямымъ и вѣрнымъ путемъ къ достиженію своей цѣли? Зачѣмъ имъ слѣдовать за тѣми учителями, которые, по слову св. Пророка Исаи, *зло называютъ добромъ и добро зломъ, тьму считаютъ свѣтомъ и свѣтъ тьмою, горькое почитаютъ сладкимъ, а сладкое—горькимъ* (гл. 5, ст. 20)? Почему не идти въ слѣдъ Величайшаго Учителя и Воспитателя Христа, Который есть сама воплощенная Истина (Ев. Іоан. 14, 6) и Который никогда не встрѣчалъ обличенія въ неправдѣ Своихъ словъ (Ев. Іоан. 8, 46). Прошли вѣка, какъ учитель народовъ св. Апостоль Павелъ увѣщевалъ христіанъ: *умоляю васъ, братіе, остерегайтесь производящихъ раздѣленія и соблазны, вопреки ученію, которому вы научились, и уклоняйтесь отъ нихъ* (Римл. XVI, 17). Пора, давно поэтому пора перестать быть *младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству людей, по хитрому искусству оболъщенія* (Ефес. 4, 14). А чтобы вѣрнѣе достигнуть этого, чтобы «угасить раскаленные стрѣлы» враговъ, необходимо вооружиться *«духовнымъ мечемъ, который есть слово Божіе»* (Ефес. 6, 17); необходимо при свѣтѣ его, подъ непогрѣшительнымъ руководствомъ св. Православной Церкви, распознавать, что въ знаніи дѣйствительно просвѣщаетъ умъ и облагораживаетъ сердце и что, наоборотъ, уклоняетъ ихъ съ пути правильного развитія. Тогда станетъ ясно, что достойно быть предметомъ нашего изученія и что—нѣтъ. Пусть мы не будемъ знать чего либо; но объ этомъ отнюдь не слѣдуетъ тужить. *Лучше немного при страхѣ Господнемъ, нежели большое сокровище, и при немъ тревога,—непогрѣшительно учить насъ Слово Божіе* (Притч. 15, 16). Лучше раскопать малое поле и, проникнувъ въ глубину, найти великое сокровище необходимаго, нежели, взрывъ на поверхности множество нивъ, трудиться тщетно и напрасно⁹⁹). Пусть не при всякомъ собесѣдованіи мы удержимъ за собою верхъ и не при всякомъ вопросѣ будемъ имѣть первенство,—какая въ томъ бѣда? И при этомъ можно имѣть вполне заслуженное уваженіе отъ людей и великую награду отъ Господа Бога.

⁹⁹) Бесѣды св. Іоанна Златоустаго на разн. мѣста св. Писанія, т. 2, стр. 312.

Итакъ, будемъ на землѣ учиться тому, знаніе чего будетъ неразлучно съ нами на небѣ¹⁰⁰). Св. Василій Великій и Григорій Богословъ, которые, по собственнымъ словамъ послѣдняго, извлекали изъ наукъ только полезное для благочестія, и отвергали все, что ведетъ во глубину паденія¹⁰¹),—пусть служить для насъ поучительнымъ примѣромъ. Пусть также предносится умственному взору нашему и образъ дѣйствій Блаж. Иеронима, который говоритъ о себѣ слѣдующее: «Я часто слушалъ Аполлинарія Лаодикійскаго, но когда онъ ставлялъ меня въ св. Писаніи, я отнюдь не принималъ его спорнаго, неразумнаго ученія¹⁰²).

Всѣмъ вышесказаннымъ намъ можно бы закончить свою рѣчь о воспитаніи и образованіи дѣтей, такъ какъ наиболѣе важные и существенные вопросы въ данной области нами рассмотрѣны. Но неизлишне, полагаемъ, будетъ, если, въ заключеніе своей работы по занимающему насъ предмету, обратимъ вниманіе на то, насколько современная система воспитанія и образованія дѣтей соотвѣтствуетъ изложеннымъ воззрѣніямъ на этотъ предметъ Библии, а также св. отцевъ и учителей церковныхъ.

Нашъ вѣкъ, не безъ основанія называемый просвѣщеннымъ, страдаетъ однако очень тяжкимъ недугомъ. Гордый успѣхами ума, онъ несправедливо возвелъ свой умъ въ какое-то божество, въ кумирь, благоговѣя предъ нимъ, какъ древніе язычники преклонялись предъ «молохомъ». Въ наше время разумъ сдѣлался мѣрою всѣхъ вещей; имъ преимущественно опредѣляется и степень внутренняго достоинства человѣка: такой-то образованъ и уменъ, этотъ—недалекъ и простоватъ,—вотъ обычные отзывы, похвалы и порицанія, какія чаще всего приходится слышать о людяхъ. Развитіе сердца и воли отодвигается при этомъ на задній планъ, какъ бы имѣющее второстепенное значеніе. Случись намъ упрекнуть кого-либо въ разсудочной малоразвитости и мы убѣдимся, что нанесли его самолюбію болѣе чувствительный ударъ, чѣмъ еслибы указали на его нравственные недостатки. А между тѣмъ нетрудно видѣть, что такое обоготвореніе ума даетъ горькіе плоды. Въ самомъ дѣлѣ, наши школы учатъ многому; если взять среднюю школу, доступную значительному числу дѣтей,—какихъ только предметовъ ученія не встрѣтишь тамъ?. Много расходуется въ нихъ молодыхъ силъ; болѣе же хрупкіе организмы подчасъ и вовсе надламываются. Но если бы кто захотѣлъ видѣть благодѣтельные результаты столь долгаго и тяжелаго умственнаго труда, онъ поразился бы ихъ незначительностью; къ глубокому прискорбію, онъ былъ бы вынужденъ признать, что благотворное вліяніе, оказываемое ученіемъ на жизнь, весьма слабо. Наука остается какъ бы взаперти въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, всѣдневныя же, часто очень важные интересы общества, то, въ предѣлахъ чего

¹⁰⁰) Твор. блаж. Иерон. ч. 2, 87.

¹⁰¹) Твор. св. Григорія Богослова, т. 4, стр. 64. М. 1844.

¹⁰²) Твор. блаж. Иеронима ч. 2, стр. 364. Кіевъ. 1879.

вращается его обиходъ и бесѣда, мало отражаютъ на себѣ облагораживающее воздѣйствіе ученія. Правда, плоды образованія выносятся на свѣтъ Божій, но выносятся чаще на рынокъ для заработка, а не для облагороженія среды, не для достиженія подѣ ихъ воздѣйствіемъ наибольшаго духовнаго преуспѣянія общества. Къ сожалѣнію, бываетъ и хуже, — и кому не приходилось поражаться этими, *еще больше* печальными явленіями? Всякому извѣстно, что учившійся — иногда не только не возвышается нравственно надъ неграмотнымъ, но подчасъ стоитъ гораздо ниже послѣдняго; нерѣдко знанія лишь изоцряютъ дурныя качества человѣка, только увеличиваютъ пути для ихъ проявленія, такъ что съ очевидностью сбываются слова Премудраго Соломона: *во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ познанія, умножаетъ лишь болѣзнь* (Екклес. 1, ст. 18). Кто близко стоитъ къ сельскому быту, тотъ не могъ не видѣть, какъ крестьянинъ — грамотѣй, прошедшій курсъ народной школы, нерѣдко пользуется неграмотностью своихъ собратій — односельчанъ, стараясь извлечь при удобномъ случаѣ возможно болѣе для себя выгодъ. Ему выпалъ, на примѣръ, случай написать прошеніе для своего сосѣда, незнакомаго съ книжною премудростью. Съ серьезнымъ видомъ знатока своего дѣла, онъ беретъ различной величины книги и такъ озадачиваетъ простеца: «если писать тебѣ просьбу по большой книгѣ, заплатишь столько, а если по малой — столько». И «темный» людъ, доселѣ оцѣнивающій важность книгъ по ихъ объему, вѣритъ обману, попадая въ разставленныя ему сѣти. И сколько можно указать такихъ примѣровъ — и не въ средѣ только меньшей, малоразвитой братіи, но даже въ кругу болѣе образованномъ. Адвокатъ — университетантъ развѣ всегда бываетъ свободенъ отъ корыстнаго искушенія бѣлое дѣлать чернымъ, черное — бѣлымъ? Увы! Горькая дѣйствительность говорить иное: надежда на щедрое вознагражденіе за удачный исходъ дѣла часто склоняетъ его къ сдѣлкамъ съ своею совѣстью...

Гдѣ же причины такихъ поистинѣ прискорбныхъ явленій? Несомнѣнно, одна изъ нихъ лежитъ въ односторонности воспитанія и образованія, въ томъ именно, что, въ погонѣ за развитіемъ ума, мы пренебрегаемъ развитіемъ сердца и воли. Изъ головы малютки мы дѣлаемъ какую-то кладовую, наполняемъ ее разнообразными свѣдѣніями, — и думаемъ, что дѣло сдѣлано. Между тѣмъ полагаютъ такъ — печальное заблужденіе, ибо мы упускаемъ въ данномъ случаѣ изъ виду, что имѣли дѣло только съ одною духовною способностью питомца, изоцряли лишь умъ его, но не давали должной пищи для его сердца и мало руководили проявленіями воли. Мы воспитывали многознайку, а не цѣлостнаго человѣка со всѣми его духовными силами и способностями; тогда какъ главную задачу правильнаго воспитанія и образованія составляетъ равномѣрное, гармоническое развитие всѣхъ сторонъ человѣческаго существа. Только такое воспитаніе и образованіе можетъ служить надежнымъ ручательствомъ того, что изъ питомца выдетъ высоко-нравственная личность, — когда развитіе ума будетъ ведено не только безъ ущерба для образованія сердца, но въ этомъ послѣднемъ (образованіи сердца) будетъ находить свою конечную цѣль и свое оправданіе. *Отъ сердца*, — поучаетъ

нашь Христосъ Спаситель, — *исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбоудьянія, татбы, лжесвидѣтельства, хулы* (Матѳ. 25, 19; Марк. 7, 21). *Сердце — источникъ живота, въ немъ источники жизни* (Притч. 4, 23); посему, трудясь надъ образованіемъ ума, «*всѣмъ храненіемъ*» должно блюсти и сердце, всѣми мѣрами надлежитъ заботиться и о его преуспѣяніи, старательно устраняя все, что можетъ уклонять отъ этой цѣли. Уроки мудрости земной должны сопровождаться и проникаться назиданіями правой вѣры и чистой нравственности. Такое воспитаніе и образованіе, навѣрно, освѣжило бы современное юношество, усталое отъ безпорядка жизни и мысли. Оно подняло бы въ ихъ глазахъ многое изъ того, что легкомысленно отбрасывается имъ, какъ устарѣлое, ветхое и ненужное. Тогда всѣхъ окрыляла бы надежда, что школа, проникнутая теплотою христіанскаго чувства и религіознаго одушевленія, сумѣетъ воспитать *истинныхъ сыновъ* Православной Церкви, и *достойныхъ* гражданъ, вѣрныхъ слугъ своему Благочестивѣйшему Государю и дорогому Отечеству.

Изъ сказаннаго видно, насколько современное воспитаніе и образованіе дѣтей соотвѣтствуетъ библейскому и свято-отеческому взгляду на этотъ предметъ. Соотвѣтствие и несоотвѣтствие это, конечно, различно, что легко замѣтить, если сравнить въ разсматриваемомъ отношеніи учебныя заведенія свѣтскія со школами духовными, церковно-приходскими, а также школами грамоты. Не рѣдко случается, что питомцы свѣтской школы лучше знаютъ исторію греческихъ и римскихъ героевъ, чѣмъ исторію домостроительства челоуѣческаго спасенія, больше увлекаются подвигами языческихъ дѣятелей, чѣмъ подвигами святыхъ дѣятелей христіанской вѣры. Правда, и въ школахъ свѣтскихъ преподается Законъ Божій, но преподаваніе его ограничивается только уроками, которые обыкновенно стоятъ особнякомъ, внѣ связи съ прочими уроками. Гораздо счастливѣе положеніе школъ духовныхъ и церковно-приходскихъ со школами грамоты. Главная задача этихъ школъ — религіозно-нравственное развитіе дѣтей, стремленіе направить мысль и совѣсть ихъ къ истинамъ вѣры и правиламъ нравственности, убѣдить питомцевъ, что религія и нравственность составляютъ ту основу, на которой должно опираться все челоуѣческое существованіе. Правда, въ этихъ школахъ отведено видное мѣсто и свѣтскимъ наукамъ, но преподаваніе ихъ должно вестись здѣсь такъ, чтобы онѣ содѣйствовали достиженію все той же, указанной выше цѣли; и при наличности наукъ свѣтскихъ, религіозно-нравственное направленіе въ воспитаніи и обученіи должно оставаться, по идеѣ этихъ школъ, тою закваской, которая поднимаетъ все тѣсто. Намъ могутъ сказать, что и духовныя школы недовольно еще близки къ той цѣли, достиженіе которой составляетъ ихъ задачу. Пусть такъ. Но великое, неоспоримое достоинство ихъ заключается уже въ томъ, что поставленная ими задача, — задача важная и трудная, — правильно понята и что уже указываются вѣрные пути къ ея рѣшенію.

Вѣря въ дальнѣйшее преуспѣяніе школъ духовныхъ, пожелаемъ того же и для тѣхъ свѣтскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ молить Госнода Бога споспѣшествовать въ заботахъ о томъ, чтобы на всѣхъ нашихъ дѣтяхъ, — въ какихъ бы

школахъ они ни воспитывались—въ духовныхъ или свѣтскихъ,—скорѣе исполнилось сказанное о совершенномъ мужѣ: *въ законъ Господнемъ воля его и въ законъ Его поучится день и ночь* (Пс. 1, ст. 2), ибо *блаженн чисти сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8).

Преподаватель Тифлисской Духовной Семинаріи *М. Добронравовъ*.

Основы врачебновѣдѣнія.

(Лекціи, читанныя воспитанникамъ Тифлисской православной духовной семинаріи).

(Продолженіе *).

При обзорѣ системы мочевыхъ органовъ не могло ускользнуть отъ вашего вниманія то обстоятельство, что эти органы у человѣка расположены на довольно значительномъ пространствѣ. Почки—главный и существенный органъ, въ которомъ образуется моча, находятся въ самомъ верху брюшной полости, тотчасъ подъ грудобрюшной преградой, а мочевой каналъ, чрезъ который моча выдѣляется наружу, т. е. во внѣшній міръ, находится на самомъ нижнемъ концѣ туловища и тѣсно связаны съ половыми органами. Исторія развитія человѣческаго зародыша указываетъ еще на болѣе тѣсную связь мочевыхъ и половыхъ органовъ, которые развиваются изъ однихъ зародышевыхъ образованій и зачатковъ. Эта-то *связь мочевыхъ и половыхъ органовъ* и лежитъ въ основѣ послѣдовательнаго обзора и изученія ихъ однихъ за другими.

Къ *мужскимъ половымъ органамъ* принадлежатъ: 1). *Сѣмянные железы* или *яички*, представляющія небольшія овальныя железы, помѣщенныя ниже туловища въ особомъ кожномъ мѣшкѣ, называемомъ мошонкою; онѣ вырабатываютъ и выдѣляютъ сѣмя въ формѣ жидкости, существенные элементы которой суть *сѣмянные нити*, называемыя въ наукѣ *сперматозоидами*. На первыхъ мѣсяцахъ утробной жизни яички находятся въ брюшной полости и опускаются въ мошонку уже во второй половинѣ беременности. Иногда случается, что мальчикъ рождается съ пустой мошонкой или въ ней находится только одно яичко, а другое еще не успѣло опуститься. Это обстоятельство не служитъ признакомъ уродства и обыкновенно яички рано или поздно выходятъ въ мошонку, рѣдкіе же случаи задержанія навсегда яичекъ въ брюшной полости не мѣшаютъ повидимому ни здоровью, ни способности имѣть дѣтей и потомство.

2). *Сѣмянные протоки*. Сѣмянная жидкость, приготовленная въ яичкахъ, въ случаѣ нужды идетъ по очень длиннымъ трубочкамъ изъ мошонки вверхъ по паховымъ складкамъ въ полость таза, гдѣ выливается въ мочеиспускательный

*) См. «Дух. Вѣстн. Груз. Экз.», № 7-й.

каналъ, откуда и попадаетъ въ свое мѣсто. Эти-то трубочки и называются *спьмянными протоками*.

2). *Дѣтородный органъ* есть тотъ самый мочеиспускательный каналъ, о которомъ мы уже говорили. Мочеиспускательная трубка, по выходѣ наружу, окружена мясистыми частями, сверху покрытыми кожей. Эти мясистыя части, называемыя *кавернозными тѣлами*, состоятъ изъ сѣти кровеносныхъ жилокъ и поэтому представляютъ губчатое строеніе, напоминающее грецкую губку. Если эти жилки сильно наливаются кровью и растягиваются ею, то дѣтородный органъ утолщается и напрягается, какъ это и случается иногда въ дѣйствительности.

Женскіе половые органы болѣе погружены въ тазовую полость, чѣмъ мужскіе и представляютъ въ устройствѣ своемъ рядъ трубокъ или трубчатыхъ полостей, съ одной стороны связанныхъ съ двумя *отдѣльными спьмянными железами* — *яичниками*, а съ другой — свободно открывающихся на поверхности тѣла въ области, носящей названіе промежности. Всѣ они лежатъ въ тазовой полости между мочевымъ пузыремъ и прямою или заднепроходною кишкою.

Яичники суть органы, приготовляющіе зачатки человѣка, слѣдовательно самая существенная часть половой системы; они соотвѣтствуютъ яичкамъ мужчинъ. Эти железы лежатъ по обѣимъ сторонамъ матки, справа и слѣва ея въ ея широкихъ связкахъ; онѣ очень не велики — въ половину голубиного яйца или въ миндальный орѣхъ. По формѣ онѣ напоминаютъ сплющенное голубиное яйцо, а по анатомическому строенію представляютъ кусокъ соединительной ткани, въ которой какъ бы вкраплены совершенно замкнутыя микроскопическіе мѣшечки, число которыхъ въ каждомъ яичникѣ очень велико и даже можетъ достигать нѣсколько сотъ и даже тысячъ. Изъ этихъ то мѣшечковъ у зрѣлой женщины развиваются яички, которыя отсюда попадаютъ въ матку чрезъ особыя мясистыя трубки, составляющія придатки матки и называемыя *фаллопиевыми трубами*.

Матка представляетъ собою мясистый полый органъ продолговатой грушевидной формы, нѣсколько сплюснутый спереди назадъ. Верхушка ея называется дномъ, а нижній утонченный конецъ шейкою. Длина матки неодинакова у женщинъ, но дѣвственная матка взрослыхъ дѣвицъ равна по длинѣ приблизительно 2 дюймамъ съ шириною при основаніи въ $1\frac{1}{2}$ и толщиною (спереди назадъ) въ 1 дюймъ. Но при беременности матка очень увеличивается, утолщаясь и растягиваясь во всѣ стороны, такъ что дно ея подходитъ подъ ложечку (нижній конецъ грудной кости). Держится матка въ своемъ положеніи при помощи перепончатыхъ и мышечныхъ связокъ, идущихъ отъ нея къ оружающимъ мягкимъ частямъ живота и таза. Матка внутри имѣетъ пустоту или полость, изъ которой идутъ три отверстія: *два по бокамъ верхушки* или *дна*, которыя идутъ въ мясистыя трубки — *фаллопиевы трубы*, воспринимающія своимъ свободнымъ концемъ изъ яичниковъ яйца и доставляющія ихъ въ матку, и *одно* внизу, въ шейкѣ матки, ведущее въ

Маточный рукавъ или *вагиналице*. Этотъ послѣдній органъ представляетъ перепончатую трубку, соединяющую матку съ наружными половыми частями, на-

зываемыми губами половой расщелины. Въ верху этой расщелины при самомъ ея началѣ находится у женщинъ коротенькій мочево́й каналъ, тотчасъ за которымъ просвѣтъ рукава у дѣвицъ бываетъ закрытъ снизу болше, чѣмъ на полови́ну, круглою или полудунною перепонкою, называемою *дѣвственной плевою*, которая потомъ, съ заму́жествомъ, исчезаетъ (разрушается). Матка вмѣстѣ съ фаллопиевыми трубами, равно какъ и маточный рукавъ суть мясистые или мышечные органы, внутри выстланы слизистою оболочкою, снару́жи же матка и фаллопиевы трубы покрыты серознымъ брюшиннымъ листкомъ, который, покрывая стѣнки живота, одѣваетъ и внутренности (за исключеніемъ почекъ), находящіяся въ полости живота. Въ слизистой оболочкѣ половыхъ органовъ, какъ и во всякой слизистой оболочкѣ, находятся железы, выдѣляющія жидкій слизистый секретъ, увлажняющій всю внутреннюю поверхность ихъ.

Описанные половые снаряды или органы даны человѣку, какъ и животнымъ, для того, чтобы родъ ихъ постоянно размножался, чтобы люди, какъ и животные, никогда ни переводились на землѣ и жили бы вѣчно, пока земля будетъ существовать на своемъ мѣстѣ въ міровомъ пространствѣ. Физиологическіе процессы *размноженія* или точнѣе *воспроизведенія* состоятъ изъ четырехъ послѣдовательныхъ актовъ: 1) образованія воспроизводительныхъ элементовъ—мужскаго (сперматозоидъ) и женскаго (яичко); 2) соединенія этихъ двухъ элементовъ или оплодотворенія, обуславливающаго зачатіе; 3) измѣненій, происходящихъ со стороны зародыша и матери, отъ времени зачатія до рожденія зародыша, т. е. эмбриональнаго развитія плода и беременности, и 4) рожденія плода или родовъ.

Было уже упомянуто, что большая часть животныхъ, въ томъ числѣ и человѣкъ, зарождаются изъ яйца. Яйца птицъ извѣстны всякому. Насѣкомыя (мухи, тараканы, блохи, клопы, вши и др.) также несутъ яйца. Яйца рыбъ мы называемъ икрой, въ которой мы за одинъ глотокъ съѣдаемъ несчетное число этихъ яицъ. Высшія животныя и человѣкъ также въ своихъ половыхъ железахъ (яичники) развиваютъ яйца,—только эти яйца у нихъ не выходятъ наружу, какъ это бываетъ у птицъ, а остаются всегда въ утробѣ матери и тамъ уже изъ нихъ могутъ развиваться и вырастать совсѣмъ готовые животныя, готовый человѣкъ со всѣми органами и частями тѣла.

Человѣческое яйцо очень маленькое образованіе; его можно видѣть только въ увеличительное стекло, подъ микроскопомъ. Оно развивается, какъ уже сказано, въ яичникахъ и развившись выходитъ изъ указанной железы и попадаетъ чрезъ фаллопиевы трубы въ матку. Но понавши въ матку, оно не можетъ еще дать зародыша, не можетъ изъ него развиться человѣкъ, если сперматозоидъ мушины не прикоснется къ нему и не оплодотворитъ его. Отъ соединенія сперматозоида съ яйцомъ въ послѣднемъ развивается росточекъ изъ котораго впослѣдствіи вырастаетъ человѣкъ. Время, когда происходитъ это соединеніе, называется *оплодотвореніемъ*, подъ вліяніемъ котораго совершается *зачатіе*. Оплодотвореніе и зачатіе можетъ состояться послѣ всякаго соединенія мушины съ женщи-

ной, если только оба они здоровы, неслишкомъ молоды и не очень стары и имѣютъ исправные, здоровые половые снаряды.

Въ нашихъ россійскихъ климатахъ женщина созрѣваетъ въ 16—17 лѣтъ; въ теплыхъ странахъ раньше,—напр. въ Грузіи въ 14—15 лѣтъ. Для мужескаго пола періодъ зрѣлости опредѣляютъ въ 18—20 лѣтъ. Но указанные годы не могутъ всегда быть точнымъ мѣриломъ половой зрѣлости, выраженіемъ которой должно служить полное развитіе организма до состоянія мужества. Быстрое развитіе и созрѣваніе половой системы рѣзко измѣняетъ все устройство и отправленіе организма. Волосистыя части развиваются, голосъ пріобрѣтаетъ особенное свойство, увеличивается отдѣленіе сала иногда до развитія болѣзненной угреватости, а количество жира въ организмѣ уменьшается. Ростъ часто представляетъ быстрое увеличеніе, жизненная емкость нарастаетъ весьма скоро,—однимъ словомъ всѣ части тѣла снѣшатъ слѣдовать за развитіемъ половыхъ органовъ и стремятся достигнуть максимума своего развитія и возмужалости. До сихъ поръ единственною цѣлью жизни было сохраненіе своей личности, индивидуальности, теперь появляются новыя цѣли: сохраненіе вида и инстинктивная потребность, вслѣдствіе которой рѣзко обнаруживается измѣненіе психической дѣятельности юноши: чувства, желанія, новыя идеи занимаютъ и господствуютъ въ умѣ.

Принято считать дѣвицу зрѣлою, если у нея появились мѣсячныя очищенія или крови. Тогда она можетъ быть матерью. Чтоже такое *мѣсячныя очищенія* или крови?

Яичники у женщинъ, отъ 15 приблизительно до 46 лѣтъ, содержатъ яйца, способныя къ оплодотворенію, т. е. вполне созрѣвающія яйца. Въ среднемъ чрезъ каждые 28 дней изъ яичниковъ выдѣляется одно или нѣсколько яицъ и при выдѣленіи воспринимаются яйцепроводомъ, или фаллопиевой трубою для доставленія въ матку. И каждый разъ такое выдѣленіе зрѣлаго яйца сопровождается измѣненіями въ самой маткѣ, которая въ это время немного увеличивается въ объемѣ, ея слизистая оболочка разбухаетъ, наливается кровью на столько сильно, что кровеносные сосуды разрываются отъ напора крови и послѣдняя вытекаетъ наружу. Но при этомъ обыкновенно вытекаетъ не чистая кровь, а съ примѣсью слизи. Съ кровями вмѣстѣ можетъ выходить изъ матки и яйцо. Но если яйцо почему либо задержится въ маткѣ, въ складкахъ ея рыхлой слизистой оболочки, и если тотчасъ послѣ мѣсячныхъ кровей женщина имѣетъ совокупленіе, тогда мужское сѣмя, попадая въ матку, можетъ соединиться съ нимъ и оплодотворить его. Такъ какъ мѣсячныя очищенія зависятъ отъ поступленія въ матку зрѣлыхъ яицъ, способныхъ къ дальнѣйшему развитію при оплодотвореніи, то всякая женщина, у которой мѣсячныя появляются и протекаютъ правильно, въ свое время можетъ имѣть дѣтей. Мѣсячныя очищенія начинаютъ показываться иногда раньше, иногда позже тѣхъ лѣтъ, какіе указаны. Прекращаются же они большею частію около 46 лѣтъ и всегда постепенно, мало по-малу: то запоздають на-два на-три мѣсяца, потомъ снова появятся разъ-два ежемѣсячно и снова исчезнутъ на нѣсколько мѣсяцовъ, а наконецъ и совершенно прекратятся. Съ прекращеніемъ мѣ-

сячныхъ очищеній у женщины всѣ ткани ея обыкновенно начинаютъ *дряблѣть*, вянуть, морщиться, словомъ женщина начинаетъ старѣть.

Если яйцо, попавшее вышеуказаннымъ способомъ въ матку, въ ней будетъ оплодотворено мужскимъ сѣменемъ, то оно остается внутри матки и тамъ развивается въ новаго человѣка. Это состояніе женщины съ развивающимся въ ея утробѣ яйцомъ называется беременностію, которая прекращается съ рожденіемъ младенца.

Д-ръ мед. М. Мышкинъ.

(Продолженіе будетъ).

Проводы бывшего о. Ректора Тифлисской духовной семинаріи Архимандрита Тихона.

Въ воскресенье, 4-го апрѣля, Тифлисская Духовная Семинарія прощалась съ бывшимъ своимъ Ректоромъ, Архимандритомъ Тихономъ, который указомъ Св. Синода назначенъ старшимъ членомъ С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго комитета. Своимъ величественнымъ служеніемъ въ семинарской церкви, своимъ тактомъ, гуманнымъ и привѣтливимъ обращеніемъ, уѣхавшій о. Ректоръ за короткое время своего управленія Тифлисской духовной семинаріей приобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе не только среди сослуживцевъ и учениковъ, но и всѣхъ лично знавшихъ его. Поэтому пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы сообщить краткія біографическія свѣдѣнія объ этомъ духовномъ дѣятелѣ. О. Архимандритъ Тихонъ, въ мѣрѣ Василій Ильичъ Морошкинъ, сынъ Тверскаго протоіерея, родился въ 1841 г. и по окончаніи полнаго курса въ Тверской семинаріи поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію для полученія высшаго образованія. По окончаніи здѣсь курса въ 1875 г. по церковно-историческому отдѣленію со степенію кандидата богословія, Василій Морошкинъ опредѣленъ былъ на должность преподавателя греческаго языка въ свою родную семинарію, но въ 1877 г., по личному желанію, перешелъ на кафедру церковной исторіи, въ каковой должности онъ оставался до конца своей службы въ Твери. Знаніемъ своего предмета, умѣнъемъ ясно и понятно передать свѣдѣнія слушателямъ Василій Морошкинъ, не смотря на свою строгость, приобрѣлъ любовь со стороны учениковъ. Помимо церковной исторіи, по порученію правленія семинаріи, Василій Морошкинъ преподавалъ и другіе предметы: въ 18⁸¹/₈₂ учебномъ году греческій языкъ въ IV классѣ, въ 18⁸⁴/₈₅—латинскій языкъ во II-мъ классѣ, въ 1887 г.—словесность и исторію литературы въ III классѣ, такъ что онъ основательно зналъ многіе предметы семинарскаго курса, а, состоя членомъ правленія (съ 1877—1884 гг.) и исполняя должность секретаря семинаріи, онъ фактически ознакомился съ механизмомъ веден. дѣль. 8 августа 1887 г. Василій Ил. Морошкинъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Тихона и 15-го августа возведенъ въ санъ іеромонаха. Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 8-го января 1888 г. іеромонахъ Тихонъ назначенъ инспекторомъ Могилевской духовной семинаріи и черезъ полтора года, 17-го іюля 1889 года, произведенъ въ Ректора съ возведеніемъ въ санъ Архимандрита. Управленіе его Могилевской семинаріей было проникнуто

духомъ мира и братской любви, кротостію и твердостію въ необходимыхъ случаяхъ. Своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, опытностію и своимъ прямымъ и здравымъ взглядомъ на вещи о. Ректоръ Тихонъ заслужилъ горячія симпатіи со стороны учителей и учениковъ Могилевской семинаріи и удостоился самыхъ трогательныхъ проводовъ. Ректоромъ Тифлисской дух. семинаріи Архимандритъ Тихонъ назначенъ Сунодальн. указомъ отъ 19 сентября 1891 г. и, слѣдовательно, управлялъ ею около полутора года. Широка и разнообразна была его дѣятельность здѣсь. Помимо многосложныхъ обязанностей по управленію семинаріей, онъ несъ обязанности председателя Грузинскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, редактора «Духовнаго Вѣстника Грузинскаго Экзархата»; согласно Высочайшему повелѣнію отъ 30-го сентября 1891 г. былъ назначенъ постояннымъ членомъ Грузино-Имеретинской Сунодальной Конторы, въ то же время состоялъ цензоромъ проповѣдей священниковъ г. Тифлиса, Председателемъ братства св. Андрея Первозваннаго, членомъ Совѣта Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ—и всѣ возложенныя на него обязанности и порученія о. Ректоръ исполнялъ добросовѣстно и усердно. Всегда занятый и заваленный работой, тѣмъ не менѣе онъ со всѣми приходящими къ нему былъ привѣтливъ и обходителенъ: двери его квартиры были открыты для всѣхъ и cadaго во всякое время. Поэтому неудивительно, если всѣ знавшіе его горячо полюбили его, что особенно выразилось на его проводахъ. 31-го марта сослуживцы устроили въ честь уѣзжавшаго о. Ректора обѣдъ, въ которомъ любезно приняли участіе вновь назначенные Ректоръ семинаріи, Архимандритъ Серафимъ и инспекторъ іеромонахъ Іоанникій, корпорация Тифлисскаго духовнаго училища съ смотрителемъ во главѣ, благочинный церкви г. Тифлиса протоіерей С. Шошіевъ, протоіерей Айсорской церкви Д. Гургенидзе и многіе другіе. При входѣ о. Ректора Тихона въ квартиру инспектора семинаріи, гдѣ сервированъ былъ столъ и куда собрались всѣ участвовавшіе въ обѣдѣ, духовникъ семинаріи Д. Берzenовъ поднесъ ему икону Иверской Божіей Матери отъ лица всѣхъ его сослуживцевъ, при чемъ преподаватель Св. Писанія М. Доброправовъ прочелъ рѣчь, составленную старѣйшимъ членомъ корпорации учителей Тифлисской духовной семинаріи И. Горгинскимъ, который за болѣзнью не могъ присутствовать на обѣдѣ. Вотъ эта рѣчь:

„Ваше Высокопреподобіе, Высокопреподобнѣйшій Отець Архимандритъ Тихонъ!

Недолго суждено было намъ оставаться подъ Вашимъ управленіемъ,—только полтора года; однако и этого незначительнаго времени оказалось совершенно достаточнымъ для того, чтобы привлечь къ себѣ умы и сердца Вашихъ подчиненныхъ и сослуживцевъ. Ваша искренняя доброта, Ваше сердечное отношеніе ко всякаго рода положенію и состоянію знающихъ Васъ, Ваше благоговѣйное и веледѣнное служеніе предъ престоломъ Царя Небеснаго въ семинарскомъ храмѣ, и Ваше серьезное отношеніе къ возложенному на Васъ дѣлу оставить въ насъ на всю жизнь неизгладимую память. Намъ желательно было-бы еще долго и долго видѣть Васъ стоящимъ во главѣ управленія Тифлисской духовной семинаріей, но „отъ Господа человѣку стопы его исправляются», говоритъ псаломѣвецъ. Промыслу

Божію угодно было отозвать Васъ къ иному мѣсту служенія, въ центрѣ русскаго просвѣщенія, въ столицу Россійской имперіи. Нѣтъ сомнѣнія, для насъ тяжела разлука съ Вами—мы привыкли руководствоваться Вашими указаніями при исполненіи своихъ обязанностей, тѣмъ не менѣ эта разлука въ настоящее время представляется неизбѣжной. Благоговѣнно преклоняясь предъ неисповѣдимыми судьбами Промысла Божія, мы почтительнѣйше просимъ Васъ, Ваше Высокопреподобіе, въ знакъ нашихъ сердечныхъ отношеній къ Вамъ и глубокаго уваженія, принять отъ насъ этотъ подарокъ—икону Иверской Божіей Матери, да хранитъ Она Васъ во всѣхъ путяхъ Вашей жизни на славу родинѣ и на пользу Церкви, Царю и Отечеству“!

Растроганный о. Ректоръ со слезами на глазахъ благодарилъ бывшихъ своихъ сослуживцевъ за тѣ добрыя чувства и отношенія къ нему, выраженіемъ которыхъ является поднесеніе иконы.

Въ началѣ обѣда велѣдъ за тостомъ, провозглашеннымъ за уѣзжающаго о. Ректора, г. Добронравовъ съ свойственнымъ ему спокойствіемъ обратился къ о. Ректору съ слѣдующими словами:

„Ваше Высокопреподобіе, Досточтимый о. Архимандритъ Тихонъ!

Корпораціи Тифлисской духовной семинаріи, въ лицѣ большинства наличныхъ ея членовъ, неоднократно приходилось принимать живое участіе при грустныхъ разставаньяхъ съ своими начальниками и сослуживцами. Казалось-бы, это обстоятельство должно было, хотя отчасти, приучить насъ къ болѣе или менѣ равнодушному отношенію ко всякому новому подобному случаю. Однако,—смѣю завѣрить Ваше Высокопреподобіе,—въ настоящій разъ дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ. При первой же вѣсти о предстоящей разлукѣ съ Вами, тоска и грусть глубоко западали въ наши сердца. И эта грусть, усиливаясь болѣе и болѣе, достигаетъ высшей степени своего развитія теперь, когда настала для насъ роковой часъ сказать Вамъ свое послѣднее прощаніе. Такъ оно должно и быть. Въ непродолжительное время своего управленія семинаріей и руководства нами Вы сдѣлали многое для того, чтобы въ насъ возникли, развились и окрѣпли чувства искренней признательности и благорасположенности къ Вашему Высокопреподобію. Своимъ добрымъ сердцемъ Вы поняли великую силу любви и ею определяли свои отношенія къ намъ. Любовь дѣлала Васъ величественно-спокойнымъ, свободнымъ отъ страстныхъ порывовъ и скачковъ; она же внушила Вамъ благую мысль видѣть въ насъ не наемниковъ, способныхъ работать лишь изъ-подъ палки, но такихъ людей, которые хорошо сознаютъ высоту и отвѣтственность своего положенія и которые могутъ обойтись безъ всякихъ внѣшнихъ принудительныхъ мѣръ. Вы адресовались къ нашей совѣсти; мы цѣнили это и, —свидѣтельствуюсь Вами самими,—никогда не злоупотребляли Вашимъ довѣріемъ. Теперь мы должны разстаться съ Вами,—разстаться, быть можетъ, съ тѣмъ, чтобы уже не встрѣтиться на жизненномъ пути. Тяжела такая разлука; но чтоже дѣлать? *Всею свое время и время всякой вещи подъ небомъ* (Екклес. 3, 1). Благоговѣя и предло-

Вамъ иной родъ дѣятельности, мы утѣшаемся мыслию, что и на новомъ мѣстѣ своего служенія Вы будете стольже близки намъ, что и отнынѣ. Вашъ добрый и симпатичный образъ будетъ предноситься мысленному взору нашему.

Мы вѣримъ, что ни разстояніе, ни время не ослабятъ въ насъ тѣхъ чувствъ, которыя мы взаимно питали другъ къ другу и которыя доселѣ объединили насъ съ Вами, какъ благодарныхъ дѣтей съ своимъ добрымъ и ласковымъ Отцемъ.“

Въ отвѣтъ на тостъ о. Ректора за здоровье учителей семинаріи преподаватель словесности Я. Чрединъ отвѣчалъ слѣдующею рѣчью:

Ваше Высокопреподобіе, Достоуважаемый о. Ректоръ!

Долго мы не рѣшались вѣрить ходившимъ въ Тифлисъ слухамъ о Вашемъ новомъ назначеніи, не вѣрили, потому что не хотѣлось вѣрить. Но опасенія наши, къ сожалѣнію, сбылись и вотъ тебѣрь съ тяжелымъ чувствомъ грусти мы собрались сюда на эту прощальную трапезу, чтобы на разставаніи выразить предъ Вами тѣ чувства почтенія и уваженія, которыми были исполнены наши сердца къ Вамъ. За сравнительно короткій періодъ Вашего управленія семинаріей мы такъ привыкли и привязались къ Вамъ, такъ полюбили Васъ, что не хотѣли бы новыхъ перемѣнъ и не желали бы вовсе разставаться съ Вами. Съ самаго начала своего вступленія въ управленіе Тифлисской духовной семинаріей Вы сразу же овладѣли нашими сердцами и въ послѣдующее время это первое впечатлѣніе не изгладилось, а еще болѣе укрѣплялось и находило себѣ оправданіе при ближайшемъ знакомствѣ съ прекрасными качествами и Вашего ума и Вашего сердца. Твердо, съ увѣренностію и спокойствіемъ Вы руководили всѣми частями многосложнаго семинарскаго управленія, не заботясь ни о бьющихъ въ глаза эффектахъ, не приноравливаясь къ измѣнчивымъ теченіямъ постороннихъ вліяній и не внимая темнымъ навѣтамъ разныхъ личностей. Спокойствіе и тишина, общее умиротвореніе и согласіе—вотъ спутники Вашего управленія какъ здѣшней, такъ и Могилевской семинаріей, гдѣ я имѣлъ счастье служить подъ Вашимъ же руководствомъ. Но цѣня въ Васъ мудраго и опытнаго начальника, мы столько же, если не больше, цѣнимъ Васъ, какъ прекраснаго человѣка. Вы такъ были обходительны, такъ предупредительно любезны со всѣми, съ такимъ радушіемъ относились къ каждому изъ насъ и такъ наконецъ были великодушны къ нашимъ слабостямъ и недостаткамъ, что не отвѣчать Вамъ такою же искренностію, такою же откровенностію и прямотою казалось дѣломъ не возможнымъ! Вы своимъ управленіемъ показали, что можно быть добрымъ и снисходительнымъ начальникомъ, не опасаясь тѣмъ умалить ни престижа своей власти, ни собственнаго авторитета, и мы подчинялись Вамъ не за страхъ только, но и за совѣсть. Примите же отъ насъ, дорогой о. Ректоръ, чувства глубокой благодарности и признательности и самыя горячія пожеланія Вамъ силъ и всякаго преуспѣянія на новомъ Вашемъ поприщѣ на многія и многія лѣта!“

Затѣмъ о. Ректоръ провозгласилъ тостъ за процвѣтаніе Тифлисскаго духовнаго училища и за здоровье его смотрителя и учителей, на что смотритель училища С. Пашкевичъ отвѣчалъ также рѣчью, въ которой благодарилъ о. Ректора

за его любвеобильное отношеніе къ училищу и провелъ ту мысль, что за время управленія о. Ректора Тихона Тифлисской духовной семинаріей Тифлисское духовное училище наслаждалось миромъ и спокойствіемъ. Затѣмъ отъ лица духовенства говорили священникъ Александро-Невской церкви Е. Звѣревъ и благочинный С. Шошіевъ, которые благодарили о. Ректора за его вниманіе и привѣтливое обращеніе со всѣми духовными лицами, имѣвшими къ нему какое-либо дѣло; отъ лица учениковъ высказали благодарность о. Ректору священникъ Александро-Невской церкви С. Городцовъ и духовникъ Тифлисской духовной семинаріи Д. Берзеновъ. Между прочимъ о. духовникъ въ своей рѣчи сказалъ:

„Для внутренней жизни учениковъ семинаріи Вы, Ваше Высокопреподобіе, сдѣлали много полезнаго. Мнѣ не разъ доводилось быть свидѣтелемъ того, какъ Вы, несмотря на Ваши болѣзненные немощи, сами отворяли двери стучащимся къ Вамъ ученикамъ, выслушивали внимательно ихъ жалобы и нужды и удовлетворяли однихъ любвеобильнымъ отеческимъ наставленіемъ, совѣтомъ и утѣшеніемъ, а другихъ матеріальною помощію. Жалобы воспитанниковъ на свою бѣдность всегда находили откликъ въ Вашей доброй душѣ. Желая придти на помощь имъ, Вы употребляли всевозможныя мѣры къ тому, чтобы увеличить доходы «Братства»—этого источника удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ воспитанниковъ; съ этою цѣлью Вы, по мимо своего личнаго взноса, обратились къ оо. благочиннымъ съ пригласительными листами, что и увѣнилось успѣхомъ; Вы нашли новый источникъ вспомоствованія, назначивъ значительную сумму изъ остаточныхъ денегъ по содержанію семинаріи. Такая истинно отеческая заботливость о вѣранныхъ Вамъ воспитанникахъ и Ваши неусыпные труды надъ ихъ религіознымъ воспитаніемъ оставляютъ по Васъ неизгладимую память въ юныхъ душахъ всѣхъ тѣхъ воспитанниковъ, которые воспитывались при Вашемъ управленіи семинаріей“.

Обѣдъ прошелъ дружно и задушевно. По окончаніи обѣда, всѣ присутствовавшіе съ воодушевленіемъ пропѣли три раза «Боже Царя Храни» и пасхальный канонъ «да воскреснетъ Богъ» и разошлись.

Въ воскресенье, 4-го апрѣля, о. Ректоръ Тихонъ въ послѣдній разъ совершалъ литургію въ семинарской церкви, которая была переполнена молящимися, пришедшими также проститься съ о. Ректоромъ. По совершеніи литургіи, вновь назначеннымъ о. Ректоромъ семинаріи Архимандритомъ Серафимомъ при участіи новаго инспектора семинаріи, духовника, протоіерея Гургенидзе и другихъ священнослужителей былъ отслуженъ напутственный молебенъ уѣзжающему о. Ректору. По окончаніи молебна о. Ректоръ Тихонъ обратился съ прощальною рѣчью къ ученикамъ и сослуживцамъ, въ которой просилъ не поминать его лихомъ и простить ему его недостатки и обиды, которыя, быть можетъ, онъ причинилъ вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ, словомъ или дѣломъ и затѣмъ, благословивъ присутствовавшихъ учителей и учениковъ иконой Иверской Божіей Матери, обратился съ молитвеннымъ воззваніемъ къ Царицѣ Небесной, чтобы она была заступницей и покровительницей Тифлисской духовной семинаріи. Послѣ рѣчи о. Ректора изъ

среди учениковъ выступилъ воспитанникъ VI-го класса А. Баларджевъ, который отъ лица своихъ товарищей выразилъ о. Тихону въ нѣсколькихъ словахъ чувства любви и уваженія, которыя питають къ нему его бывшіе питомцы, — ученики Тифлисской духовной семинаріи. По окончаніи богослуженія всѣ сослуживцы и знакомые о. Ректора были приглашены въ квартиру о. Ректора, гдѣ имъ предложенъ былъ чай и легкая закуска.

Здѣсь членъ правленія семинаріи, заслуженный протоіерей Айсорской церкви Д. Гургенидзе сказалъ о. Ректору слѣдующую прочувствованную рѣчь:

„Ваше Высокопреподобіе!

Вездѣ, гдѣ только ни приходилось служить Вамъ, Ваше Высокопреподобіе, вездѣ оставляли Вы доброе имя и славную память о себѣ своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ воспитываемому юношеству и дружескимъ отношеніемъ къ своимъ сослуживцамъ, какъ о томъ свидѣтельствовали предъ нами три дня тому назадъ многіе, хорошо знавшіе Васъ. Съ этими же самыми чувствами Вы явились и къ намъ, Ваше Высокопреподобіе, и, воистину, Вы были Отцемъ, защитникомъ и покровителемъ воспитанниковъ и нашей семинаріи и искреннимъ другомъ сослуживцамъ своимъ. Я, какъ частый свидѣтель дѣйствій Вашихъ по управленію семинаріею, по званію своему смѣю свидѣтельствовать предъ всѣми, что Вы всегда преслѣдовали интересы управляемаго Вами учебно-воспитательнаго заведенія и всегда, по заявленіи инспекціи о наказаніи воспитанниковъ за малоуспѣшность ли ихъ въ наукахъ, или за проступки ихъ по поведенію, судъ свой надъ ними растворяли милосердіемъ, отыскивая причины малоуспѣшности или виновности ихъ, всегда примѣняли къ нимъ самую меньшую мѣру взыскація не потому, чтобы хотѣли дать имъ потачку или поблажку, а чтобы дать имъ возможность одуматься и исправиться. Такими своими мѣрами, практикуемыми Вами здѣсь, Вы, Ваше Высокопреподобіе, успѣли спасти не одного, обреченнаго на лишеніе всякой возможности къ дальнѣйшему своему образованію, а отсюда и на всегданнюю гибель.

Со времени полученія извѣстія о Вашемъ новомъ назначеніи, я не встрѣчался ни съ кѣмъ изъ знающихъ Васъ, кто бы не высказалъ чувства сожалѣнія объ изытіи Васъ изъ среди насъ. Всѣмъ намъ желательно было пребываніе миролюбиваго духа Вашего среди насъ, но, къ сожалѣнію, по неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божія, Вы изъедемтесь отъ насъ и перемѣщаетесь на далекій сѣверъ. Лучше было бы намъ вовсе не знать Васъ, Ваше Высокопреподобіе, не знать намъ добрыхъ и прекрасныхъ качествъ души Вашей. Въ эти скорбныя минуты нашей жизни мы льстимъ себя надеждою, Ваше Высокопреподобіе, что замѣститель Вашъ, Его Высокопреподобіе, новый Ректоръ семинаріи, благоклонно внимающій выраженіямъ неподдѣльныхъ чувствъ, высказываемыхъ Вамъ, замѣнитъ намъ Васъ, оботретъ слезы плачущимъ, утѣшитъ унывающихъ и тѣмъ заставитъ ихъ забыть свое горе!

Съ ученической своей жизни при этой семинаріи, я былъ свидѣтелемъ проводовъ 8 или 9 ректоровъ нашей семинаріи, но ни одни проводы, какъ на двѣхъ

выразился одинъ изъ нашихъ почтеннѣйшихъ преподавателей, не отличались такою трогательностію и сочувствіемъ, какъ настоящіе.

Пути промысла Божія не постижимы уму человѣческому! Провидѣнію Божию такъ угодно было распорядиться судьбою Вашею, прекословить волѣ Господней мы не смѣемъ. Намъ ничего не остается дѣлать теперь, какъ, подобно растеніямъ, обращающимся къ солнцу, обратившись къ Господу Богу, просить Его Всемилосерднаго дать Вамъ мирное и благополучное путешествіе, возстановить и укрѣпить силы и здоровье Ваше къ вѣдшему прохожденію новыхъ обязанностей Вашихъ на новомъ мѣстѣ служенія Вашего.

Будьте увѣрены, Ваше Высокопреподобіе, что хотя Вы и будете находиться далеко отъ насъ, но мы душою и сердцемъ часто будемъ витать около Васъ. Въ заключеніе, позвольте мнѣ, Ваше Высокопреподобіе, пожелать Вамъ «емри чохъ ола, или ребонашени» (многая лѣта по-татарски и сирохалдейски).

Къ 6 часамъ вечера всѣ сослуживцы и почитатели о. Ректора снова собрались къ зданію семинаріи, чтобы еще разъ проститься съ дорогимъ путешественникомъ и многіе проводили его верстъ на 10—15 за черту Тифлиса.

Такъ сердечно провожала Тифлисская Духовная Семинарія одного изъ достойнѣйшихъ своихъ ректоровъ!

Л. Ч.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Н. РЫСИНЪ СЪ СЫНОВЬЯМИ

фирма сущ. съ 1865 года.

ОТДѢЛЕНІЕ ВЪ ЦАРИЦЫНѢ.

ГОТОВЫЯ

священническія и діаконскія облаченія и подризники.

БАРХАТЬ, ПАРЧА, ГЛАЗЕТЬ, МУАРЬ И ПРОЧ.

ЗОЛОТОШВЕЙНЫЯ ВЕЩИ:

ПЛАЩАНИЦЫ, ХОРУГВИ, ВОЗДУХИ и ПОКРОВЫ.

84 пробы вещи: СОСУДЫ, Ковчегі, Евангелія, Кресты, Кадила, Дароносицы и проч.

Паникадила, подсвѣчники: запрестольные, мѣстные и выносные.

ЛАМПАДЫ,

всенощныя блюда, панихидницы и т. под.

Водосвятныя чаши, купели и проч.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ:

НА ВСЬ ЦЕРКОВНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

ПО ТРЕБОВАНІЮ ВЫСЫЛАЕТСЯ

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ.

Адресъ для писемъ: *Н. РЫСИНУ* въ Царицынъ на Волгѣ „ „

— — телеграммъ: *Царицынъ, РЫСИНУ.*

12—5.

РЕГЕНТЪ и УЧИТЕЛЬ

ИВАНЪ

ЖЕЛАЕТЪ ПОЛУЧИТЬ ЗАНЯТІЯ НА КАВКАЗЪ.

Переговоры письменно адресовать:

Гг. Тамбовъ. Г-ну И. А. Быстрову. До востребованія.

Содержаніе № 9-го. *Оффиціальная часть:* Высочайшія повелѣнія. Опредѣленія Святѣйшаго Синода. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. Отъ Министерства Финансовъ. Объявленіе отъ редакціи. *Часть неоффиціальная:* Свят. Апостоль Павелъ, какъ апологетъ своего апостольскаго достоинства противъ іудействующихъ христіанъ—помощника инспектора Тифл. дух. семинаріи *Влад. Иванова*. Воспитаніе и образованіе дѣтей по возрѣнію Библии, св. Отцовъ и Учителей Церковныхъ и въ виду указаній опыта—преподаватели Тифлисской духовной семинаріи *М. Добронравова*. Основы врачебновѣдѣнія—*д-ра мед. Мих. Мышкина*. Проводы бывшаго о. Ректора Тифлисской духовной семинаріи архимандрита Тихона. Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Серафимъ*.

Печатать дозволяется. 29-го апрѣля 1893 г. За Цензора, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ *Серафимъ*.

Типографія *Е. Хеладзе*, Саперная ул., соб. домъ.